

Александр Прозоров
Алексей Живой

АЛЕГИОН

Ганнибал Великий

Легион

Александр Проzorов

Ганнибал великий

«Автор»

«Автор»

Прозоров А. Д.

Ганнибал великий / А. Д. Прозоров — «Автор», «Автор»,
— (Легион)

Армия Карфагена форсированным маршем движется к Риму, уничтожая по пути остатки разбитых при Каннах легионов. Федор Чайка, возвысившийся до командира хилярхии, идет в авангарде. Он первым вступает в бой с разрозненными силами, которые собрал под своей командой сенатор Марцелл, пытаясь преградить дорогу финикийцам к сердцу страны. Но солдаты Карфагена сметают все преграды. Города римлян сдаются один за другим. Еще удар и сам Рим перестанет существовать. И вот уже дрожат стены вечного города от ударов метательных орудий. Полыхают огнем виллы сенаторов и предместья, подожженные разъяренными кельтами. Но Рим, над которым Ганнибал уже занес свой карающий меч, сопротивляется яростно, словно раненый зверь. Сенат не намерен сдавать город, стягивая к нему последние силы. А, кроме того, немало врагов и завистников удачливый полководец Карфагена оставил в своей стране. Всегда найдется кто-то, готовый нанести удар в спину. А в это время на севере возрождается скифская кочевая империя. И кони многотысячной армии нового царя уже топчут земли отдаленных греческих колоний, подминая их под себя одну за другой, открывая дорогу на метрополию.

© Прозоров А. Д.

© Автор

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Глава седьмая	42
Глава восьмая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Прозоров, Алексей Живой

Ганнибал Великий

Часть первая

Бросок на запад

Глава первая

Военный совет

– Все готово, – доложил Урбал, – разведчики сообщают, что в окрестностях города римских легионеров нет. Можно выступать.

Федор Чайка поправил висевшие на ремне через плечо ножны фалькаты¹ и перевел взгляд с лица командира седьмой спейры на залитые солнцем окрестные холмы. Отсюда, с крепостной стены были хорошо видны живописные окрестности Капуи, второго по величине римского города, что совсем недавно перешел на сторону Ганнибала, открыв ему свои ворота.

– Похоже, римляне после разгрома при Каннах так хорошо смазали пятки, что не остановятся пока не добегут до своей столицы, – Федор довольно ухмыльнулся, – Этого нам и надо. Что ж, выступаем.

Он махнул рукой. Урбал развернулся и стал спускаться по каменным ступеням вниз, где на широкой площади, примыкавшей к стене, была выстроена в полном вооружении его спейра², входившая в состав двадцатой хилиархии. Яркое солнце блестело на шлемах солдат, играло на окантовке щитов.

Федор Чайка командовал двадцатой хилиархией уже почти год, со времен памятной битвы у Тразиментского озера. Это, недавно пополненное за счет жителей Капуи подразделение, насчитывало сейчас почти полторы тысячи воинов и покидало свою новую базу первым, так и не успев как следует отдохнуть.

Ганнибал торопился. Разгром римлян в недавнем сражении давал отличный шанс, захватив столицу, закончить войну с Римом одним ударом. И великий карфагенянин не собирался упускать этот шанс. Несмотря на то, что армия Карфагена была потрепана и нуждалась в отдыхе, Ганнибал дал отдохнуть ей после сражения при Каннах всего неделю. А затем снова бросил в поход.

Пройдя маршем вдоль границ Самнии и Лукании по берегам бурной реки Офанто к верховьям, армия финикийцев встретила на своем пути горную крепость Компса, открывшую им ворота без боя. Крепость была отлично укреплена. Великий Карфагенянин оставил здесь почти всю добычу, а также часть обоза, и треть армии, поручив командиру заключать союзы с восставшими горцами, а сам двинулся дальше «налегке». Затем, спустившись в Кампанию, Ганнибал подошел к Неаполю, в надежде, что этот портовый город перейдет на его сторону.

¹ Популярное оружие среди испанцев армии Ганнибала, – тяжелый изогнутый меч, которым можно и колоть и рубить с «оттягом».

² Армия Карфагена копировала эллинистические традиции и делилась на спейры и хилиархии. Спейра насчитывала примерно сто двадцать бойцов, хилиархия, – это соединение примерно в тысячу воинов. Иногда больше. Командующий армией Ганнибал мог по своему усмотрению изменять в зависимости от родов войск численный состав хилиархий и спейр. Например, спейра кельтов в этом войске могла содержать не сто с лишним, а двести или даже двести пятьдесят воинов. Тоже касалось и хилиархий.

Но Неаполь приготовился к длительной осаде. А Ганнибал, внезапно решил отложить захват города, и, получив какие-то важные сведения от лазутчиков, повернул армию на север к Капуе.

Солдаты Федора прибыли вместе со всеми из Апулии в римскую провинцию Кампанию, пройдя Италию поперек с южного побережья почти до западного. Здесь многие города, стоявшие на пути карфагенян, также сдавались им без боя, приветствуя армию финикийцев как освободителей.

После Канн для римлян наступила настоящая катастрофа. Как узнал Федор в штабе Атарбала, практически, вся южная Италия, несмотря на то, что остатки разбитых легионов осели в её центре, близ Везувия, переметнулась теперь на сторону Карфагена. В окрестности Рима в одночасье отказали Лукания, Бруттий и Калабрия, а также большая часть Самния и даже основные города Апулии. Повальное дезертирство союзников значительно сократило численность римских войск, что не могло не радовать Ганнибала.

Прибыв в окрестности Капуи, солдаты армии Карфагена расположились лагерем и готовились к скорому началу осады. Однако, штурмовать Капую тоже не пришлось. Вскоре после того, как инженерные части закончили строительство частокола, солдатских барачков и загонов для боевых слонов, старейшины города прислали к Ганнибалу послы с сообщением, что город готов принять у себя победоносную армию финикийцев и с этого дня отказывается в окрестности Рима. Ганнибал, ожидавший этого, все же не смог скрыть радости, и, получив такую отличную базу, как второй по величине и богатству город Италии, немедленно вошел в него, сменил часть гарнизона на своих солдат и дал армии краткий отдых, столь необходимый для пополнения запасов и сил.

Однако уже на следующий день вождь карфагенян собрал своих высших военачальников на совет, куда был допущен и Федор, несмотря на то, что его ранг не был еще столь высок. В прошлой жизни, в той, где он был морским пехотинцем, его должность звучала бы, скорее всего, как командир полка. Полк этот входил в корпус элитной африканской пехоты, подчинявшейся лично знаменитому полководцу Атарбалу.

За время римской кампании, длившейся уже третий год, Федор смог не раз проявить себя, даже выполнив однажды секретный приказ Ганнибала. Все это позволило ему быстро подняться от рядового до сержанта, а затем сменить на боевом посту убитого командира седьмой спейры. С тех пор прошло не так уж много времени, а он уже смог возглавить двадцатую хилиархию, славившуюся своими разведчиками.

Военный совет, проходил на этот раз не в шатре главнокомандующего, а в одном из дворцов местной знати, выделенном горожанами под штаб армии своих новых покровителей. Это было высокое трехэтажное здание песчаного цвета, расположенное в центральном квартале Капуи, раскинувшееся вокруг рыночной площади. Вход украшали шесть мраморных колонн. А зал, в котором проходило совещание командиров, имел мозаичный пол, раззолоченные стены и такую же мебель. Не говоря уже о многочисленных статуях античных героев, расставленных вдоль стен. Почти весь центр вытянутого помещения занимал массивный дубовый стол, вдоль которого сидели военачальники карфагенян в доспехах.

Ганнибал начал с того, что сообщил военачальникам последнюю новость.

– Сенат Рима на днях назначил новым диктатором Марка Юния Перу, который должен спасти город от скорой гибели, – сказал вождь финикийцев, облаченный в черную с золотом кирасу, – Все физически здоровые люди, не взирая на возраст и звания, мобилизованы. Римляне собираются защищать город.

– Не удивительно, – заметил на это мудрый Атарбал, – ведь это их последняя надежда.

– Вот именно, – согласился пуниец, – и мы должны как можно скорее лишить римлян этой надежды. Переход Капуи и многих других городов Кампании на нашу сторону вызвал в Риме большой переполох и усилил панику, которой столица римлян и без того объята со дня нашей победы при Каннах.

– Это хорошо, но мы потеряли большую часть нашего осадного обоза за последний год, – осмелился возразить брату Магон, – Как ты собираешься штурмовать Рим? У него прочные стены, а город защищает почти два легиона. Может быть, даже больше, мы пока не знаем.

– Эти воины деморализованы и готовы сдаться при первом же нашем появлении, – быстро ответил Ганнибал, – Сейчас же момент благоприятный. Сил у нас больше. Лучшие регулярные войска Рима разбиты. Защищать город практически некому. Паника в нем настолько сильна, что новый диктатор получил разрешение сената сформировать еще два легиона из числа рабов, которым пообещали свободу и гражданство. Они даже освободил шесть тысяч преступников, чтобы бросить их против нас. Рим собирает последние силы и нельзя дать ему оправиться.

Он замолчал ненадолго.

– Что же касается обоза, ты прав. У нас мало метательных орудий, – согласился с братом Ганнибал, – Но мы заберем все, что есть в Капуе. На здешних военных складах, как мне недавно сообщили, вооружения достаточно, чтобы снабдить им пару римских легионов, которые должны были встать здесь на постой. Мы используем это оружие против самих римлян и мобилизуем капуанцев в нашу армию, чтобы увеличить число солдат. Осадная артиллерия здесь тоже имеется. Не слишком много, но с учетом нашего обоза, этого хватит, чтобы нанести сокрушительный удар и пробить брешь на одной из линий обороны Рима. А большего мне сейчас и не надо. Остальное сделает твоя испанская конница.

Услышав эти слова Магарбал, высокий смуглолицый финикиец, одетый в пластинчатый панцирь, украшенный парадной гравировкой, молча поклонился.

– А твои африканские пехотинцы, Атарбал, положат город к моим ногам, – закончил командующий.

Многоопытный Атарбал тоже поклонился, услышав волю вождя.

– Но ведь есть еще римский флот! – заметил Магон, – мы захватили половину земель Италии, но римский флот все еще контролирует морские подступы к ней. И он еще силен. Мы не решились атаковать Неаполь, поскольку он постоянно получает поддержку с моря.

– Ты слишком рано перестал верить в наши морские победы, брат, – укорил его Ганнибал, – хочу напомнить тебе, что финикийцы, – лучшие флотоводцы мира. А того подкрепления, что обещал мне сенат, даже половины его, мне хватит, чтобы захватить Рим и закончить эту войну. Поэтому я решил атаковать город, не дожидаясь подкреплений, что сейчас плывут к нам из Карфагена.

Ганнибал ненадолго нахмурился, словно вспомнив о досадном недоразумении.

– Хотя, на счет Неаполя ты прав, Магон, – продолжил он, – Но я рискну оставить этот город за своей спиной ради того, чтобы нанести скорейший удар по Риму, падение которого заставит Неаполь перейти на нашу сторону. Однако, там сильный гарнизон, поэтому ты, Магон, завтра же отправишься в окрестности Неаполя с корпусом из десяти тысяч солдат.

Магон слушал своего старшего брата, на этот раз, не перебивая и не возражая.

– Я дам тебе кельтов и несколько хилярий африканцев. Но, штурмовать город не надо. Этим солдат хватит, чтобы блокировать его до получения известия о сдаче Рима или сдерживать гарнизон Неаполя на случай возможного прорыва.

Ганнибал помедлил мгновение и добавил.

– Но, его не будет. Я в этом уверен. Неаполь, – сильная крепость, но его жители привыкли больше обороняться от чужих набегов, нежели предпринимать вылазки сами. Без поддержки из Рима они не осмелятся открыто противостоять нам в поле. Предпочтут отсидеться за высокими стенами крепости. А поддержки Рима не будет, поскольку я скоро подойду к его стенам.

Магон кивнул, выражая полную покорность воле брата, которого безмерно уважал за его военный талант. Кроме того, после смерти отца Ганнибал, как старший сын, стал главой семьи Барка.

– Когда должны подойти подкрепления? – только и спросил Магон.

– Наш новый флот, двести квинкером с отборными солдатами и полсотни грузовых кораблей с осадным вооружением и слонами должны подойти через две недели, – ответил Ганнибал, указав на лежавшую перед ним карту, – корабли придут к побережью Апулии, недалеко от Канн, и оттуда по захваченной нами земле солдаты быстро и беспрепятственно достигнут Рима. Это будет означать окончательную победу.

– Но, мы двинемся из Капуи, не дожидаясь их подхода, – Сказав это, Ганнибал обвёл взглядом своих военачальников, и увидел по лицам, что все они ждут подкрепление из Карфагена с нетерпением. Многие из них предпочли бы сначала дождаться его, и лишь потом выступить. Но не таков был Ганнибал.

– К тому моменту, как придут новые силы из Карфагена, мы будем уже под стенами Рима и начнем штурм, – закончил он свою речь, – и если боги не покинут нас в решающий час, то все случится так, как я задумал.

Совет, казалось, был окончен. Но Ганнибал приберег напоследок не менее важную новость, полученную им от кого-то из своих многочисленных шпионов, сеть которых была разбросана по всей Италии и регулярно снабжала вождя финикийцев ценной информацией. Разумеется, были шпионы и в самом Риме.

– Претор Мрак Клавдий Марцелл теперь стал главной надеждой Рима, – заявил Ганнибал, – Он уже прибыл в город и с двумя наспех собранными легионами выступил нам навстречу, чтобы поддержать уверенность в союзниках Рима.

– Ну, что же, – заявил, услышав эту новость Атарбал, – значит пришла пора уничтожить этого злейшего врага карфагенян. Как только мы столкнемся с ним, ему и его двум легионам придет конец.

– Первой из города выступит двадцатая хилиархия, – подвел итог Ганнибал, бросив короткий и многозначительный взгляд на Федора, – в ней служат лучшие разведчики. Они первыми двинутся в сторону Рима, чтобы разведать переправу через реку Вультурн и подходы к Теану. За ним начинается Аппиева дорога, – прямой путь на Рим. И Марцелл наверняка спешит именно туда. Мы должны прибыть раньше, захватив господствующие над дорогой перевалы. Задача разведчиков обезопасить главные силы от внезапного нападения. Я хочу знать о каждом шаге Марцелла, как только он здесь появится.

– Почту за честь, – ответил Федор, поклонившись.

Именно эта новость поразила его больше всего, а вовсе не обещанные подкрепления. Раз сам Марцелл уже в Риме, то и Юлия, возможно, находится где-то поблизости. Даже пребывая на войне, Федор ни на минуту не забывал о своем главном желании: найти Юлию с ребенком. А там – будь что будет!

После битвы у Тразиментского озера он уже однажды пытался захватить Марцелла, но сенатору в последнюю минуту удалось ускользнуть на колеснице вместе с дочерью, в которую Федор был безнадежно влюблен. Тогда он не привел к Ганнибалу пленного врага, как обещал. И вот теперь судьба давала ему второй шанс. Марцелл сам шел в руки всего с двумя легионами. Армия же Карфагена, спешившая к Риму, после пополнения насчитывала пятьдесят тысяч бойцов. Ядро этой армии, несмотря на потери в боях, по-прежнему составляла тяжелая испанская конница и отборная африканская пехота, а также многочисленные племена кельтов. Все они – и те, что пришли с Ганнибалом из Испании, и те, что встали под знамена Карфагена уже здесь, в Италии, все они верой и правдой продолжали служить Ганнибалу и ненавидеть римлян, плативших им той же монетой.

После совещания, пользуясь последними часами затишья перед долгим походом, Федор решил зайти в один из местных кабаков, чтобы пропустить кружечку вина. Для этого он отправил посыльного за своими друзьями, – Урбалом, командиром седьмой спейры, которого сам назначил на этот пост, став командиром хилиархии, и Летисом. Вместе с этими двумя фини-

кийцами два года назад Федор начинал войну рядовым морпехом на корабле карфагенского флота, что утонул после битвы у испанских берегов. С того момента жизнь Федора Чайки совершила крутой разворот в сторону сухопутной службы, сделав его солдатом армии Ганнибала, отправлявшейся в поход на Рим.

В скором времени оба финикийца явились на зов своего боевого товарища, ожидавшего их в кабаке под названием «Старая Капуя». Это было довольно дорогое заведение, выстроенное из коричневого пористого камня и объединенное с баней и борделем, в котором можно было достать все, от лучшего вина, до лучших женщин. Кроме Федора здесь сейчас находилось немало солдат и офицеров из армии Карфагена, также как и он решивших не упустить случая расслабиться перед очередным броском на север.

Все они долгие месяцы несли службу в походах и крепко соскучились по цивилизации, а потому, попав в Капую – самый богатый и населенный город в Италии после Рима, – стремились хоть отчасти воздать себе за тяготы и лишения военной службы. Благо жалование наемникам Ганнибал выплачивал исправно, правда в последнее время все чаще римским золотом и серебром, а иногда даже медью. Но никто не жаловался. В Капуде все это имело ход, ведь любой житель города понимал, что солдаты Карфагена, при желании, могли все взять даром по праву победителя. Однако Ганнибал запретил грабить местное население, которое теперь считалось союзным, то есть своим, приказав за все платить. И солдаты утешались тем, что впереди лежали богатые и еще не тронутые римские провинции, не говоря уже о богатствах самого Рима.

«Старая Капуя» находилась в восточной части города у подножия небольшого холма в квартале торговцев. Ожидая друзей, Федор заказал несколько кувшинов греческого вина, лучшего какое имелось в местных погребах, жареного поросенка, оливки, круг сыра, блюдо фруктов и сладости. Несмотря на войну, запас еды здесь имелся приличный, так что изголодавшиеся на казенных харчах солдаты Карфагена ни в чем себе не отказывали. Впрочем, сам Федор в последнее время и в походе не бедствовал. Положение позволяло.

Когда в дверях показались две рослые фигуры в полном вооружении, Федор уже допивал вторую чашу, и на душе у него постепенно становилось веселее.

– Привет, Федор, – поздоровался Урбал, опускаясь рядом на широкую массивную скамью, где легко могли разместиться еще пять человек, – чем угощают в наших новых владениях?

Он снял шлем, положив его рядом на лавку.

– Все на столе, бери что хочешь, – ответил Федор, пододвигая другу чашу с вином, – я сегодня плачу. Мало будет, еще закажем.

Рядом грузно опустился здоровяк Летис, отирая со лба струившийся градом пот.

– Жарковато здесь, – посочувствовал Федор.

– Это тебе жарко, ты с севера. А мне нормально, – отмахнулся Летис, поправив ножны фалькаты и висевшие на другом боку кинжалы, – у нас дома в Утике и не так припекает. Только панцирь тяжелый, ходить мешает, а так жить можно.

Пока Летис жадными глотками вина, утолял жажду, Федор рассматривал своих друзей, которых последнее время видел довольно редко. Большая часть службы начальника хилиархии проходила либо в штабе корпуса африканцев Атарбала, либо в своем походном штабе, где его донимали теперь командиры спейр, а их под командой Федора, считая пополнение из капуанцев, было уже двенадцать. Урбал командовал седьмой, той самой, где они начинали служить все втроем. Так что просто поболтать с боевыми товарищами он мог себе позволить довольно редко, разве что, когда вызывал их к себе, чтобы отдать очередной приказ и отправить на разведку.

Такая жизнь последнее время все чаще напрягала Федора, но делать было нечего, он уже был вписан в систему. Впрочем, бывшему морпеху из России, чудом перенесшемуся из двадцать первого века в эти времена, было грех жаловаться. Карьера складывалась вполне удачно. Да и его личных средств, хранившихся в казне испанской армии Ганнибала, с учетом «наград-

ных» за спецоперации и части римского золота, полагавшегося за одержанные победы, уже накопилось немало. Федор прикинул, что по ценам Карфагена он уже мог бы купить себе два корабля классом не ниже триеры и полностью укомплектовать их командами за свой счет, включая рядовых морпехов. И после этого еще хватит на какую-нибудь гончарную лавку, вот хотя бы в Утике, откуда Летис, кстати, сам сын владельца гончарной мастерской, был родом. Или можно начать морскую торговлю вдоль берегов Африки. Или поставлять коней для армии Карфагена из далекой и жаркой Нумидии, как отец Урбала, происходивший из прибрежного Керкуана.

Но Федор отогнал эти мысли, – задумываться об организации собственного дела было еще слишком рано. Сейчас его задачей была война с Римом, которую для начала следовало довести до конца. Хотя дело-то оказалось прибыльным, а имевшиеся средства уже давили на психику. «Война войной, – размышлял Федор, – а о будущем подумать не мешает. Неизвестно, как жизнь повернется».

И мысли его потекли в сторону далекого Карфагена, где жил сенатор по имени Магон, на которого Федор вполне мог рассчитывать в том случае, если начнет карьеру честного торговца.

– Вот попомни мои слова, Федор, – допивая вино вдруг сказал Урбал, словно услышал мысли товарища, – пройдет еще несколько месяцев и вся Италия будет нашей. Не долго нам осталось ждать завершения войны.

– Хорошо бы, – поддакнул Летис, отправляя в рот сразу горсть оливок, – я тоже верю, что Ганнибал скоро разделается с оставшимися римлянами.

– Помнишь, там, на реке у северных кельтов, когда мы были еще далеко отсюда, – продолжал Урбал, – ведь я же говорил тебе, что скоро мы будем жить в Италии, как у себя дома. И вот мы здесь, а скоро будем и в Риме.

– Я тоже думаю, что скоро мы будем пировать на римских холмах, – опять поддержал друга рядовой Летис, – а прислуживать нам будут жены толстых римских сенаторов и они сами. Ох, я тогда оторвусь!

Сын владельца гончарной мастерской так явно представил себе эту картину, что на его загорелом лице отразилось неземное блаженство. Схватив кувшин, Летис резко опрокинул его себе в чашу, но оказалось, что все вино уже выпито. Тогда он вскинул руку и закричал на весь зал, словно был уже в Риме.

– Эй, хозяин! Быстро неси нам еще пять кувшинов вина, да самого лучшего! А то пожалеешь!

– Не шуми, – осадил его Федор, – ты еще не в Риме.

– Скоро буду, – отмахнулся Летис, словно знал все наперед.

Федор, нагруженный знаниями из прошлой жизни, не совсем разделял его уверенность. Но, с другой стороны, раз он здесь вопреки здравому смыслу, значит, и Рим может пасть. И судя по замыслам Ганнибала, ждать этого осталось не долго. Так что недалекий и грубоватый Летис мог оказаться прав.

– Завтра на рассвете выступаем, – сообщил друзьям Федор, – наша хилиархия идет первой.

– Вот те раз, – возмутился Летис, а я только приготовился расслабиться, как следует. Думал, пройтись по борделям, – бабы не видел, уже не помню, сколько недель, – и выпить все здешнее вино, а тут на тебе, «выступаем». Вы что там, в штабе, с ума посходили? Дайте солдатам отдохнуть. Они это заслужили.

Захмелевший Летис, видел в сидевшем напротив высокопоставленном офицере, прежде всего друга, с которым не раз ходил в разведку, а потому не обращал никакого внимания на его звание. Будь на месте Федора другой, Летис мог бы получить большие проблемы за такое поведение, но Федор пропустил все мимо ушей. Этот здоровяк не раз спасал ему жизнь и прикрывал спину. Ему можно было простить все.

Федор помолчал, в задумчивости теребя бороду и медленно потягивая принесенное хозяином вино. После победы над римскими легионами в Апулии, Чайка отпустил бороду, и с тех пор ее не брил, словно от длинны волос зависело его военное счастье.

– Так приказал Ганнибал, – произнес он, хорошо зная, какое впечатление на Урбала и Летиса произведет это имя, которое они оба боготворили, – а еще он сказал, что наша хилиархия одна из лучших в разведке. Поэтому мы пойдём первыми.

Услышав такую похвалу, Урбал и Летис просто засветились от счастья. А Чайка, нагнувшись вперед, чтобы никто из сидящих за соседними столами солдат и офицеров, не услышал, добавил:

– Нам на встречу идут два легиона под командой Марцелла. Мы должны первыми обнаружить их.

– Да пускай идут, – снова замахал руками Летис, – дайте мне только встретить этого Марцелла, я его в бараний рог скручу!

– Оставь это мне, – серьезно предупредил его Федор, – ты же знаешь, у меня к нему свои счёты.

– Да ну вас, – отмахнулся вконец опьяневший здоровяк – я пошел. Если завтра утром в поход, то сегодняшняя ночь не для сна. – Эй, хозяин, – зарычал он на весь зал, отделившись на пару шагов, – а ну-ка быстро организуй мне двух пышных девок. Да мне плевать, что все заняты, найди, где хочешь, а не то я тебя самого использую.

Когда громоподобный голос Летиса затих в дальнем углу кабака, Урбал, державшийся лучше, осторожно и тихо спросил.

– А как твоя Юлия? Узнал о ней что-нибудь?

Федор отрицательно мотнул головой.

– Сейчас я знаю одно, если Марцелл идет мне навстречу, то я этот шанс не упущу. А Юлия, наверняка где-нибудь рядом. Поэтому прошу тебя, Урбал, когда мы начнем прочесывать окрестности Рима, постарайся оказаться первым на вилле сенатора. И если обнаружишь какой-нибудь след, сразу дай знать.

– Похоже, наша победа, Федор, волнует тебя гораздо меньше, чем судьба римлянки, – усмехнулся догадливый Урбал, – но ты всегда можешь на меня положиться. Я удивлен твоей страстью к ней. Наверное, она и в самом деле красавица, ради которой можно отдать жизнь. Может быть, и я когда-нибудь испытаю подобную страсть.

Он встал, допив вино.

– Но сегодня я последую примеру Летиса. Прощай, командир.

Глава вторая

Мост через Вультурн

Стуча подкованными башмаками по каменным плитам, финикийцы из двадцатой хилиархии первыми покидали Капую. Вслед за ними, спустя некоторое время выступили еще две хилиархии, пятнадцатая и семнадцатая, все вместе составлявшие авангард армии Карфагена, двинувшейся на Рим. В поддержку им были приданы две сотни чернокожих нумидийцев.

– Я назначил тебя командиром всего соединения, – сообщил Федору накануне Атарбал, – прежде всего ты должен разведать и взять под контроль единственный мост, через Вультурн. А затем продвинуться к горам вплоть до Теана, а если сможешь и дальше, разведав подступы к Аппиевой дороге.

– А если я повстречаю римлян, – уточнил Федор на всякий случай, – могу ли я ввязываться в бой? Или мое дело только разведка?

– Если их будет немного, то и бой не помешает, – разрешил Атарбал, хорошо знавший привычку Федора ввязываться в драку, не дожидаясь распоряжений верховного командования, – Но смотри, не потеряй зря всех солдат. Три хилиархии нам еще пригодятся при осаде Рима.

Спустя сутки беспрепятственного продвижения по широкой утоптанной грунтовке мощный боевой отряд, почти равнявшийся по численности римскому легиону, подошел к небольшому городку под названием Казилин, где находился единственный каменный мост через реку Вультурн. Три хилиархии взяли город в полукольцо и остановились на приличном расстоянии от него, получив приказ ждать, не разбивая лагеря. Единственный шатер, который был установлен, это походный шатер командира соединения.

Солнце уже почти село, но Федор решил не терять времени и немедленно вызвал к себе Урбала. Посыльным при штабе двадцатой хилиархии у Федора служил Терис, сообразительный и смелый генуэзский паренек, которого он зачислил в свой отряд сразу после знаменитого перехода армии Карфагена через перевалы у Генуи, что позволило Ганнибалу зайти римлянам в тыл и разгромить легионы консула Фламиния у Тразиментского озера. Терис, как проводник из местных, принимал непосредственное участие в разведке перевалов и с тех пор служил Федору верой и правдой. Урбала и Летиса он тоже знал в лицо, как своих боевых товарищей, с которыми уже успел повоевать. После назначения командиром Федор взял Териса к себе посыльным. Кроме него при штабе Чайки имелась еще пара адъютантов для поручений.

Урбал быстро явился на зов, понятное дело, вместе с Летисом. Следом подошли командиры и разведчики из других хилиархий. Всего в шатре Федора у подножия невысоких холмов, переходивших на западе в равнины, собралось двенадцать человек.

– Еще до того как солнце сядет, я хочу знать, что происходит у моста, – обратился он к разведчикам и, повернувшись к Урбалу, добавил, – твои люди должны попытаться пробраться к мосту со стороны города. Только по-тихому. Шума раньше времени не поднимать.

В глубине души Федор был уверен, что их уже заметили. Слишком ровной была местность вокруг Казилина. Все подступы отлично просматривались, хотя он и постарался укрыть свою небольшую армию в оврагах за несколькими невысокими холмами.

– Сделаем, – кивнул Урбал, покосившись на стоявшего рядом Летиса.

– Твои люди, Карталон, – Федор посмотрел на начальника пятнадцатой хилиархии, бородастого финикийца с обрубленным в бою ухом, – должны обследовать берега Вультурна выше по течению, а семнадцатая хилиархия ниже. Найдите лодки на случай переправы. Будьте готовы ко всему. Если понадобится, попытаемся атаковать даже ночью.

Подтвердив получения приказов, командиры разошлись. Отправив разъезды нумидийцев также вдоль реки в обоих направлениях, Федор приготовился ждать донесений, размыш-

ляя о том, как далеко от этого места находится сейчас Марцелл. Но ждать пришлось недолго. Едва село солнце, как со стороны близкого Казилина послышались крики и звон оружия, а затем во мраке запылало зарево и как раз напротив того места, где должен был находиться мост. По берегам реки пока было тихо.

– Хорошо начали, – заметил на это Федор, выходя из шатра и всматриваясь в сумерки, – по-тихому.

Скоро к нему прибыл посыльный от Урбала. Прикрывая рассеченную ниже локтя окровавленную руку, и опираясь на меч, он доложил.

– Город пуст, Чайка, но у моста устроены завалы из бревен и сигнальные костры. Сам мост каменный, очень длинный. Я таких еще не видел. Переправу охраняет римский гарнизон. Успели допросить пленного легионера, говорит – почти тысяча человек. Похоже на правду.

– Мост цел? – уточнил Федор, подтягивая ремень с тяжелой фалькатой.

– Да, – кивнул раненый, – его трудно разрушить. Урбал с разведчиками отошел назад и ждет приказа.

Федор колебался недолго.

– Передай, пусть возвращается в свою спейру, – приказал он солдату, – Немедленно атакуем мост. Хилиархию в бой поведу сам.

А когда посыльный исчез во мраке, подозвал Териса.

– Передай приказ Каргалону, – его хилиархия идет следом за мной, занимает город, прикрывает тыл. Семнадцатая остается на месте в резерве.

– Немедленно строиться! – рыкнул Федор на сгрудившихся у шатра командиров спейр из его хилиархии, – мы идем в атаку.

Терис кивнул и растворился в темноте вслед за посыльным Урбала. А Федор, уже одетый в панцирь и поножи, ненадолго вернулся в шатер. Там он надел на голову шлем, – сам, по-прежнему обходился без слуг, – застегнул ремешок под подбородком. Подхватил свой круглый щит и вновь оказался снаружи, где уже стоились спейры, уверенно перемещаясь в полной темноте. Прискакавшим в этот момент нумидийским дозорным Федор велел оставаться в резерве, на случай преследования неприятелей после быстрой победы, в которой он не сомневался.

– Главное ввязаться в драку, – тихо по-русски сказал себе Федор, запрыгивая на коня, что подвел ему Терис, – а там посмотрим.

И натянув поводья, едва различимый в наступивших сумерках, махнул рукой в сторону зарева.

– Вперед, воины! Мы должны захватить эту переправу еще до того, как над холмами появится солнце.

Он поскакал вперед, обгоняя устремившихся к городку пехотинцев. Чтобы быстрее достичь места финикийцы перешли на бег, отчего над дорогой и полями разнеслось методичное побрякивание амуниции и оружия. Скоро первые спейры, среди которых была и седьмая, ворвались в опустевший город и, пробравшись по улицам, оказались у входа на каменный мост, не встретив пока никакого сопротивления. Но здесь путь им преградили баррикады из лодок, повозок и деревьев, подожженные римлянами. У полыхающих завалов Федора ожидали десять солдат с Урбалом во главе.

– Ну, что тут у тебя? – быстро спросил Федор, не сходя с коня.

– Да все ясно, – кивнул Урбал, – они заметили наши хилиархии еще на подходе и оставили город без боя, забаррикадовавшись на мосту. А когда мы попытались подобраться поближе, подожгли завалы.

– Молодец, – съязвил Федор, – теперь все римляне знают, что мы уже здесь. Как же тебя угораздило показать себя?

Урбал промолчал. Крыть было нечем.

– Это я предложил проверить завалы на прочность, – попытался вступиться за друга Летис, – мы почти пробрались на мост и даже сняли часовых. Но тут подо мной проломилась доска, и нас заметили. Пришлось с боем отступить. Убили человек десять и в плен одного взяли.

– Ну и ты молодец, – «похвалил» Федор, – их там действительно целая тысяча или так, создают видимость?

– Да нет, не меньше, – уверенно заявил Урбал, – мост длинный, я даже заметил пару баллист и скорпионов за второй линией обороны. А на том берегу тоже хватает преград, хотя всего сейчас и не видно.

– Даже так, – удивился Федор, – значит, давно нас поджидали.

Едва он повернул коня, чтобы лучше рассмотреть дислокацию противника, как раздался знакомый свист, и в рядки финикийцев выстроенных в двухстах метрах от горящих завалов врезалось каменное ядро. Затем еще одно. Нескольких человек скосило мгновенно, еще двоим оторвало конечности. Следующий залп убил еще пятерых. Послышались душераздирающие вопли раненых. Потекла первая кровь.

– Разобрать завалы, – приказал Федор Урбалу, – ждать некогда. Вперед!

Урбал ринулся выполнять приказание. Через мгновение Федор увидел, как Летис жестом подозвал еще дюжину солдат из команды разведчиков, и, подхватив веревки с крюками, устремился к горящим завалам по открытой местности. Рядом с ними, чуть впереди бежало еще человек десять пехотинцев, прикрывая их своими щитами от стрел из-за баррикады. Стрелы были мощные. Они пробивали щиты насквозь и еще на подходе римляне уложили пятерых из «группы поддержки».

«Это не лучники, – догадался Федор, – «Скорпионы»³ работают. Надо торопиться, а то так всех людей положим».

Но Летиса с солдатами можно было не торопить. Подобравшись поближе к огню, они метнули свои крюки и, зацепив горящую телегу и лодку, стали оттаскивать их в стороны, постепенно разваливая баррикаду. Римляне пытались усилить стрельбу, но это получалось плохо, – из-за огня, к которому финикийцы оказались слишком близко, их было плохо видно. Тем не менее настильная стрельба из «Скорпионов» быстро уносила жизни нападавших. Спустя пять минут в живых их осталось всего семеро. Летис орал на своих солдат так, что Федор слышал его и со своего наблюдательного пункта, куда уже не долетали ядра баллист.

– Шевелись, лентяи, – кричал на солдат здоровяк, изо всех сил таща веревку с крюком, впившимся в борт огромной полыхавшей лодки, – Навались, а не то заставлю лезть в огонь и разбирать завалы руками!

Угроза возымела действие. Лодка, зацепленная сразу несколькими крюками, подалась, опрокинулась и, соскочив со своего места, рухнула вниз, разломившись на несколько частей. Вслед за ней удалось оттащить и телегу. В центре баррикады образовался проход, занятый теперь только горящими бревнами. Летис и его солдаты снова забросили крюки. Несмотря на жар, им удалось вытащить пару массивных бревен. От жара несколько веревок загорелось и лопнуло. Урбал и Летис, в числе прочих, повалились на землю. Но дело было почти сделано, проход, в который могли проскочить сразу несколько человек, имелся.

– Вперед, солдаты! – заорал Федор, увидев это, – захватить мост!

И седьмая спейра бросилась в прорыв. Однако, римляне не дремали. Бойцы Карфагена, проскочив огненный коридор и оказавшись на мосту, сразу попали под обстрел из баллист и «Скорпионов», разивших людей наповал. Но отступить было нельзя.

³ «Скорпион» – небольшой двухплечевой торсионный стреломет, предназначенный для стрельбы по настильной траектории. Скорпионы более ранних конструкций изготовлялись из дерева и были достаточно громоздкими. Скорпионы поздних моделей изготавливались уже из металла. В основном это была бронза и сталь.

Урбал и Летис оказались на острие атаки. Они бежали впереди остальных, уклоняясь от стрел и ядер, и первыми достигли следующей линии обороны, – насыпи из камней, перегородившей мост. Именно за ней прятались расчеты римской артиллерии и стояли орудия, теперь ясно различимые. Едва первые бойцы Карфагена, потеряв человек двадцать убитыми, преодолели каких то пятьдесят метров отделявших полыхавшие завалы от каменной насыпи, как обстрел прекратился. Но наверху насыпи, сомкнув щиты, тотчас выстроились римские легионеры.

Волна за волной солдаты Карфагена накатывались на эту преграду и снова откатывались назад. Яростный звон оружия раздавался над рекой, порою заглушая шум ее бурного течения. Урбал лично заколол двоих легионеров, но и его сбросили обратно, к счастью живым. Летис вскочил на парапет моста и попытался пробраться наверх, но едва не был убит римским лучником, выронил щит и рухнул в реку.

Атака продолжалась почти полчаса. За это время нападавшим финикийцам так и не удалось пробить оборону римлян. Неожиданно помог обезумевший от ярости Летис, который в доспехах смог доплыть до берега, вернулся на мост и снова бросился в бой. Он косил своей фалькатой направо и налево, ничем не прикрытый, ведь щита у него уже не было. Отрубив одному из римлян ногу, а второго проткнув насквозь, он столкнул их тела вниз и врубился в шеренгу легионеров, завалив в скором времени пространство вокруг себя трупами. За следующий час карфагеняне смогли наконец, потеснить римлян, но и сами потеряли половину спейры.

В ярости Летис с Урбалом изрубили ремни баллист и сбросили в воду четыре «Скорпиона», оставленные отступившими римлянами. Потеряв множество солдат, оставшиеся легионеры отошли на следующий вал, что находился примерно метрах в семидесяти от этого. На нем виднелся мощный частокол, едва различимый в отблесках догоравших баррикад, а за частоколом прятались лучники. Почти половина моста была уже под контролем карфагенян, но, что находилось дальше, было не рассмотреть. Наступившая ночь сильно сужала возможности для маневра.

Федор отдал приказ седьмой спейре отойти, заменив её на шестую, потом на пятую. Он посылал в бой все новые силы. Атака следовала за атакой. Но, на место убитых римлян вставали новые, стойко защищавшие путь к столице, который начинался здесь. И хотя их было меньше, чем нападавших, легионерам было значительно легче, поскольку они успели хорошо подготовиться. Да и бой на узком пространстве, защищенном с двух сторон водой, был им на руку. Лучники римлян били в упор, в то время как карфагенские лучники посылали стрелы верхом, прикрывая своих атакующих пехотинцев.

«Надо что-то придумать, – лихорадочно размышлял Федор, вспомнив предостережения Атарбала, – а не то этот мост обойдется нам слишком дорого. Впрочем, это чудо инженерии – единственный мост на всю округу. И мы, и римляне это понимаем. Но все равно, я не хочу положить здесь всю хилиархию. Думай, Федор, думай!».

В этот момент из темноты приблизился посыльный из пятнадцатой хилиархии.

– Карталон приказал передать, что разведчики нашли несколько лодок, – сообщил он, – выше по течению.

– Сколько? – ухватился Федор за внезапно посетившую его идею.

– Всего три, – ответил солдат, – в каждую может сесть не больше восьми человек. Спрашивает что ему с ними делать?

Федор быстро прикинул варианты.

– Скажи Карталону, что я приказываю ему посадить на эти лодки лучших бойцов, переправиться на другую сторону и атаковать мост с тыла. Пусть незаметно переправит туда перед атакой хотя бы половину спейры, а потом остальных. Время дорого. Возможно, там много рим-

лян. Но он должен попытаться прорваться и поджечь там что-нибудь, чтобы мы знали, что у него получилось. Повтори!

Солдат повторил приказ и исчез в темноте. Не успел он уйти, как прискакал дозор нумидийцев. Через переводчика, ему сообщили, что разведчики, вернувшиеся только сейчас, обнаружили брод в пяти километрах ниже по течению.

– И что, – удивился Федор, – вы сможете его найти и преодолеть реку в полной темноте?

Нумидийцы, которых Федор едва различал во мраке по белым туникам, закивали головами.

– Тогда немедленно отправляйтесь. Пошлите туда сотню человек, пусть переберутся на другой берег, если смогут, и поддержат нашу атаку, которая скоро начнется. В общем, действуйте по обстановке.

Получив приказ, нумидийцы растворились в ночи. Федор проводил их изумленным взглядом. Уже который раз эти чернокожие всадники, не имевшие ни доспехов, ни удила, ни поводьев, а из оружия только щиты и дротики, удивляли его. Эти слившиеся со своими лошадьми «африканские индейцы», проделавшие путь с армией Ганнибала от самой Африки до глубинных римских земель, на всем пути продолжали исправно нести службу в легкой кавалерии, основной задачей которой были разведка и преследование побежденного противника. На роль ударной конницы они не годились, но в сложившейся ситуации Федор решил, что атака чернокожей конницы в тыл римлян поможет вызвать хотя бы переполох. А именно этого он и добивался.

– Усилить натиск! – приказал Федор, когда тот же посыльный появился снова и доложил, что Карталон начал переправлять первых бойцов в нескольких сотнях метров выше по течению, – огонь зажигательными стрелами!

Карфагеняне предприняли новый яростный штурм. Им даже удалось проникнуть за частокол, сбросив оттуда десяток римлян. Глядя со своей наблюдательной позиции, откуда он почти все различал в свете догорающих завалов, Федору казалось, что еще немного и очередной рубеж будет взят. Но тут, неожиданно, в середине частокола, открылись ворота, из которых посыпались римские легионеры. Предприняв контратаку, защитники моста быстро смешали порядки карфагенян и даже обратили их в бегство. В прорыв со стороны врага уже была брошена целая манипула, которая, построившись на ходу стала теснить солдат Федора с завоеванной с таким трудом территории. Вдобавок, через головы наступающих вновь заработали баллисты и стрелометы.

– Мать твою, – пробормотал Федор, сплюнув под ноги коню, и неожиданно для себя завернул замысловатую тираду. – Не ожидал встретить столь глубоко эшелонированную оборону.

И тут в голове у него что-то перещелкнуло. Резким движением выхватив фалькату из ножен и пустив коня вскачь, он заорал так, что его услышали даже отступающие солдаты Карфагена:

– За мной, лентяи! Не отступать! Только вперед!

Он бросился на мост. Над головой пронеслось несколько стрел, а просвистевшее следом ядро убило наповал сразу двух бежавших позади него солдат из девятой спейры. Одному почти оторвало голову, а другому тем же ядром смяло грудь, отбросив на пару метров назад. Федор увидел все это за мгновение, когда, пригнувшись к шее коня, уклонился от стрел.

Прорвавшись на мост, Чайка перемахнул через заграждение из камней и первым врубился в римские наступающие шеренги. Несмотря на то, что до сих пор он привык биться пешим, все же на коне воевать оказалось удобнее, тем более с легионерами, у которых не имелось копий. Федор крутился на коне, и в одиночку крошил фалькатой шлемы и щиты легионеров, до тех пор, пока не ощутил за своей спиной шеренги карфагенян, которые, столкнувшись с римлянами, мгновенно отбросили их назад. Этот удар был преисполнен такой силы,

что никто из римлян не смог убежать и спрятаться за частоколом, все полегли здесь же, усеяв своими трупами середину моста.

Спрыгнув с коня, Федор взобрался на частокол и, воткнув меч подбежавшему легионеру в бок, вдруг увидел, что совсем близко запылало новое зарево, разгоняя мрак у противоположного берега. Оказалось, что до него уже рукой подать. Еще каких-то сто пятьдесят метров. Но эти оставшиеся метры занимала сплошная стена из красных щитов, перед которой стояли замолчавшие баллисты и «Скорпионы». А там где разгорался огонь, были видны многочисленные повозки, что закрывали римлянам путь к отступлению. Они горели, подожженные солдатами Карталона.

– Ну, теперь пойдет дело, – устало ухмыльнулся Чайка.

Выполнив его приказ, три десятка отважных солдат из шестой хилиархии отступали вдоль берега под натиском превосходящих сил противника, но вдруг из мрака показались всадники в белых туниках и в римлян полетели дротики, разя насмерть. Положение мгновенно изменилось.

– Вперед солдаты! – захрипел Федор, увидев атаку нумидийцев, – за мной!

И прыгнул сверху на красные щиты легионеров, вонзая свой клинок в чье-то тело. Его крик, подхваченный десятками глоток, перекрыл все звуки вокруг. Карфагеняне посыпались на окруженных римлян, отчаянно пытавшихся держать строй, но было поздно. Не прошло и часа, как остатки римлян были выдавлены с моста, а затем изрублены в куски превосходящими силами авангарда армии Карфагена. А когда солнце вновь показалось над долиной Вультурна, единственной во всей округе мост у городка Казилин была полностью в руках армии Ганнибала.

Глава третья В степь далекую

Грандиозный поход на запад, за пределы покоренной Ольвии, начался не так быстро, как ожидал Леха Ларин. Он был уверен, что не успеет Иллур стать царем крымских скифов, как тотчас бросит своих солдат в новый поход, тем более что он уже объявил об этом. А у Иллурова слова с делами никогда не расходились. На первый взгляд все было готово: и флот под командой проявившего себя настоящим адмиралом Ичея, и конная армия, численность которой уже перевалила за шестьдесят тысяч всадников.

Армия, стоявшая сейчас лагерем под Ольвией, была готова в любой момент двинуться в поход по первому слову вождя. Но, вернувшись из столицы, где проходил совет старейшин, новый царь был не слишком весел. Едва прибыв в свое стойбище, (даже став царем, он предпочитал юрту в степи роскошному дому на греческий манер) Иллур вызвал к себе Леху.

Явившись по первому зову с несколькими приближенными всадниками в походное стойбище Иллурова, Леха Ларин обнаружил своего друга, вознесшегося на самый верх власти, сидящим в большой юрте на ковре у огня. Рядом стоял кувшин с вином и фрукты. Иллур казался задумчивым. Но, увидев вошедшего, отогнал думы и указал ковер.

– Садись, Аллэксей, выпей вина. Поговорить хочу.

Тотчас, словно из ниоткуда появился слуга, налил Лехе вина в красивую золотую чашу, а затем снова испарился из юрты. Леха сел на ковер.

– Благодарствую, – ответил он, отпив терпкого вина.

Помолчал немного, дожидаясь пока Иллур начнет говорить, но не выдержал.

– О чем разговор будет? – задал он наводящий вопрос царю. Иллур по старой дружбе, как никак когда-то Леха ему жизнь спас, терпел подобные вольности, – Людей готовить, что ли, к походу? Завтра выступаем?

– Выступаем, – кивнул Иллур, – только не на запад. Возьми две тысячи отборных бойцов. Со мной поедешь, в степь.

– Это еще зачем? – удивился Леха резкой смене направления, – мы же собирались вдоль берега ударить, по греческим городам пройтись. Давно уже на месте сидим, засиделись. Того и гляди, греки флот пришлют Ольвию с Херсонесом отбивать, опять увязнем. Надо их опередить.

Иллур все молчал, продолжая размышлять.

– По берегу моря города богатые, есть что пощупать, – резонно добавил Леха, – А в степи-то что интересного?

– Греки нам ничего не сделают, – уверенно заявил Иллур, обернувшись наконец и бросив взгляд на сидевшего рядом воина, – Херсонес пал, Ольвия тоже, Боспорскому царству недолго жить осталось. У себя на родине, как и здесь, греки живут городами и друг с другом договориться не могут. Меж собой грызутся. Чтобы нас победить им объединяться надо, силы копить, а им сейчас не до нас.

Не дожидаясь слуги, Иллур сам плеснул себе вина, сделал большой глоток и встал. Прошелся по юрте. Толстый ковер погасил шорох его шагов.

– Мне доносят, что Карфаген напал на земли римлян и уже близок к победе, – сообщил он Лехе, – греки выжидают, и никого сейчас не пошлют сюда. Им самим корабли нужны и солдаты. Неизвестно как дело обернется. Так что, время для нашего похода удачное. Но, не это важно. Есть и другая сила, что может сокрушить нас, ударив в тыл. И Фарзой уверен, что сначала я должен усмирить ее.

– Что за сила такая? – удивился Леха, уставившись на своего покровителя.

– Сарматы⁴, – коротко ответил Иллур.

Леха попытался сделать умное лицо. Он хоть и ведал конной разведкой, но не всей армии, а лишь одного из ее отрядов насчитывающего пять тысяч воинов и входившего в двадцатитысячный корпус вождя по имени Арчай. За всю свою новую жизнь в этом времени бывший морпех выбрался с территории Крыма впервые только когда пришлось начать войну против Ольвии. И на этом греческом фронте, не считая штурма Херсонеса, весь свой боевой опыт и получил. Слово «сарматы» ему мало что говорило. Ну, слышал он его несколько раз краем уха в разговорах солдат и вождей, но не придавал особого значения. Знал, что есть такой народ, что обитает в приграничных со скифами степях на севере, но и не подозревал, что Иллур его так уважает. Слово сарматы были опаснее греков. Но именно такой вывод и напрашивался из разговора с вождем.

– Фарзой уверен, что с походом на дальних греков можно немного повременить, – заявил Иллур, – а вот с сарматами нет. Доносят, что в последние дни они слишком нагло ведут себя на наших степных границах⁵. А несколько раз отряды их разведчиков даже осмелились войти в наши пределы. Их царю Гатару не нравится, что скифы под моей рукой стали сильнее и уже захватили почти все царства греков на полуострове.

– Значит, будем воевать с сарматами? – бестактно уточнил Леха.

Услышав столь простой вывод, шагавший в задумчивости вокруг очага Иллур, даже остановился.

– Сарматы сейчас в силе, у них большая армия, – ответил вождь, – они быстры, так же как мы, и потому мы должны обратить их в друзей. Хотя бы временно, пока не окрепли настолько, чтобы уничтожить. Иначе они уничтожат нас. Так считает мудрый Фарзой, а он никогда не ошибается.

Иллур сел и допил свое вино.

– Фарзой уверен, – проговорил он, – что надо как можно дальше отодвинуть кровопролитие. Ведь по крови мы с сарматами родня. Так что с войной придется повременить, хотя я уже отдал приказ строить оборонительный вал со стороны степи в самой узкой части перешейка. Никто не знает, на что решится Гатар.

Он снова встал. Поймав взгляд царя, поднялся и Леха.

– Собирайся, завтра на рассвете мы выступаем в степь, – приказал Иллур, – Двинемся на север, вдоль Борисфена⁶ и сами вступим на их землю, что была некогда нашей. Уверен, мы найдем их быстро. Мне сообщили, что ближняя к нам армия сарматов стоит в среднем течении Борисфена, перекрывая путь на Метрополь⁷. Думаю, и царь Гатар находится где-то поблизости.

– Будет сделано, – кивнул Леха, снова поправив акинак.

Покидая царскую юрту, что была расшита золотой нитью и украшена узорами, но все равно оставалась юртой, он вновь подумал, что новый царь слишком любит походный образ жизни. Его богато отделанная юрта не могла соперничать в пышности убранства с домами и

⁴ Совершенно ясно, что скифы (т.е. сколоты, – скифы, – греческое название) называли их не так. Но мы решили оставить в тексте общеупотребительный термин «сарматы», чтобы просто дать понять читателю о каком народе идет речь.

⁵ В описываемый период, согласно официальной исторической традиции, скифы владеют не только Крымом, но и полосой обширных степей примыкающих к северному Причерноморью и Азовскому морю вплоть до границ с Боспорским царством. Эти территории, под непрерывающимися натиском сарматов, они окончательно утерпят в 174 году до н.э. Но, постоянно уменьшаясь в размерах, ослабевшее скифское государство еще два века продержалось в Причерноморье и еще несколько столетий в Крыму.

⁶ Днепра (греч).

⁷ Согласно данным Птолемея, современные ученые с определенной точностью могут локализовать некоторые из городов Сарматии на современной карте. Предположительно город Метрополь на Борисфене, стоял на месте нынешнего Киева. Город Карродун на Днестре, Ерект это Тирасполь, Вивантиварий – Бендеры. А легендарный город Росканак, – столица знаменитой сарматской царицы-амазонки Зарины, – предположительно на правом берегу Терека, на земле Бороковского аула.

дворцами знати в Неаполе Скифском⁸, где Иллур мог бы жить с комфортом. Но Иллур этого не хотел. Он ненавидел спокойную жизнь. Как-то в разговоре с Лехой на дружеской пирушке будущий царь сказал, что все зло, разъевшее боевую мощь скифов, происходит от греческой учености и любви к праздной жизни. «Если бы у нас не было дворцов, – сообщил он, – а старейшины и вожди проводили жизнь в походах, то скифы вновь овладели бы всем миром».

Леха был с ним, в принципе, согласен. Он и сам любил походную жизнь. Но иногда немного хотелось пожить в комфорте. Тем более, что средства теперь имелись. Но царь скифов считал иначе. Все кто ему служил, от вождя племени до простого солдата, теперь о покое могли забыть навсегда.

«Скиф не должен знать покоя, – любил повторять Иллур, – Иначе, покой может быстро стать вечным покоем».

А потому Леха приказал себе не расслабляться. Сразу отправился к войскам, чтобы сделать все необходимые приготовления. Еще с вечера две тысячи отборных воинов получили приказ готовиться к походу. А на рассвете Иллур, лично явившись в лагерь, приказал взять с собой еще одну тысячу. Леха приказание исполнил. Это было недолго, – скифу собраться, только на лошадь вскочить.

Иллур прибыл в лагерь в сопровождении сотни охранников, за кавалькадой которых катились пять возов с захваченным в Ольвии золотом.

А когда три тысячи конников в полном боевом облачении покинули лагерь, глянув на золототой запас монет, посуды и украшений, Леха поймал себя на мысли, что Иллур, похоже, действительно опасался этих сарматов гораздо больше, чем греков. Хотя, если поразмыслить, то армия сарматов должна была быть не хуже скифской, и чтобы воевать с ней воинов явно требовалось больше, чем три тысячи пусть и отборных солдат. Но Иллур приказал оставить основные силы этой армии возле Ольвии, в то время как вторая армия готовилась в Крыму к нападению на Боспорское царство. Так что сейчас скакавшее по прибрежным холмам на север скифское войско показалось бывшему морпеху не слишком большим. Так, почетный эскорт царя. Правда, царь был рискованный и бесстрашный. Но, глядя на золото, в глубине души Леха надеялся, что дело закончится только переговорами. В конце концов, он хоть и приближенный к царской особе воин, одаренный милостями и богатством, но сейчас его дело сторона.

Мудрого советника Фарзоя с ними не было. Старик уже давно поселился в столице и не покидал ее, периодически призывая к себе Иллур. Значит новый царь намеревался вести все переговоры самостоятельно. Из верховного командования был только сам Иллур, знатный вождь Арчой и... Леха Ларин, скакавший сейчас рядом с Иллуром. Свои три личные сотни разведчиков, что взял в этот поход, он оставил позади на попечение дядек – Инисмея, Гнура и Уркуна, – опытных сотников. Впрочем, Инисмей уже давно ускакал с сотней далеко вперед с приказом обнаружить передовые части сарматов и вступить в контакт, сообщив о приближении царя Иллур.

Спустя пару дней, войско в сопровождении повозок с золотом и небольшого обоза, с походными юртами и всем необходимым для ночлега пересекло степную границу Сарматии. А к вечеру четвертого, так и не встретив на своем пути никакого сопротивления, Иллур приказал встать лагерем на холмах, откуда уже была видна широкая река.

Леха, хотя поневоле и освоился давно со скифским языком, по старой привычке страдал забывчивостью. Еще в прошлой жизни он вяло усваивал любую новую информацию, если она не касалась рыбалки, рукопашного боя и стрельбы. Особенно по географии своей родины. И теперь в этой новой кочевой жизни тоже никак не мог запомнить названия многочисленных рек, что текли в степи, впадая с разных сторон в Скифское море, которое он про себя звал Черным. До сих пор это ему особенно и знать было незачем. Вся жизнь протекала в Крыму и

⁸ Так греки называли столицу скифов в Крыму.

ближайших окрестностях, где находилась столица скифов Неаполь, недавно захваченный Херсонес и часть Боспорского царства. Отдаленные степные районы, в которых он еще не бывал, кровный брат скифского царя представлял также, как раньше, в бытность свою морпехом. А это означало, что еще не народившиеся Краснодар и Ростов-на-Дону, находились примерно в пределах Боспорского царства, что Иллур намеревался захватить.

Сейчас они продвигались куда-то в сторону будущего Киева, и речка, что шумела в стороне, вполне могла быть Днепром. А может и нет. Кто его знает. Впрочем, Леха не особенно беспокоился от отсутствия знаний по местной географии и чувствовал себя при этом вполне нормально.

По приказу Иллур скифы развели костры, никого не таясь, и принялись готовить ужин. Инисмей, появившийся вчера вечером с докладом, отсутствовал целый день.

– Что-то запропал мой сотник, – посетовал Леха Иллуру, когда ужинал с ним вместе в шатре, поедая зажаренное мясо и запивая его красным вином, – как бы не случилось чего.

– Не переживай, Аллэксей, – успокоил его царь, облаченный в легкие доспехи, – с ним ничего не случится.

Иллур был с виду спокоен, словно не вторгся на территорию чужого государства, а сидел у себя дома в Крыму.

– Может, усилить охрану лагеря? – продолжал беспокоиться Леха, – все-таки уже день, как сарматскую землю топчем.

– Это моя земля, – зло процедил сквозь зубы Иллур, – Она всегда принадлежала скифам. Гатар захватил ее силой, но скоро я снова ее верну.

Он откусил сочный кусок мяса и добавил.

– А охраны достаточно, Арчой позаботился об этом. Все равно никто на нас не нападет.

Леха не стал спорить. Как говорил в таких случаях в прошлой жизни его сослуживец рядовой Иванов сержанту Чайке «Ты бугор, тебе виднее». Вспомнив про своего друга сержанта, который перенесся вместе с ним в эти прошлые времена и обретался теперь где-то в землях далекого Карфагена, Леха отключился от насущных проблем и задумался о его судьбе. Как-то там протекает жизнь у сержанта: выбился ли в люди, или лежит уже давно в сырой земле? Но, задумался Леха ненадолго. Скоро снаружи послышался приглушенный топот многочисленных копыт, и в шатер вошел запыхавшийся от долгой скачки Инисмей.

– Ну, что видел? – спросил Иллур, отрываясь от еды, и не дав Лехе даже рта раскрыть.

– Несколько раз приближались отряды разведчиков, но близко не подпускали, – доложил Инисмей царю, – уходили в степь.

– Это хорошо, – кивнул скифский вождь, – ты свободен. Иди, отдыхай.

А, повернувшись к Лехе, добавил.

– Ждать послов осталось недолго.

Скифский царь как в воду глядел. Утром, Леха Ларин, выйдя из своей походной юрты, обнаружил, едва вдохнув пьянящий аромат степи, что все окрестные холмы вокруг лагеря заняты конными солдатами неизвестной армии. Окружение было полным. И не было никакой возможности ускользнуть незаметно, разве что прорубить себе дорогу обратно к морю сквозь строй неприятеля. Да и в этом случае уходить пришлось бы еще пару дней. В общем, с одного взгляда Лехе сразу стало ясно, что без особых потерь скрыться от сарматов, таких же быстрых всадников, как и сами скифы, было практически нереально. Но Иллур, появившийся из своего шатра, казалось, ничуть не был удивлен такому положению дел. И нисколько не озадачен окружением своего лагеря, словно сам все спланировал заранее. Хотя сарматов здесь было, на первый взгляд, как минимум, втрое больше, чем скифов.

Молодое солнце золотило остроконечные металлические шлемы конных сарматов, их искусные доспехи, что покрывали всадников и лошадей. Блестело на остриях копий, облизывало топорыки, висевшие на боках, и колчаны со стрелами за спиной. Высвечивало одежду, –

кожаные куртки и штаны навывпуск, перехваченные у лодыжек ремнем и убранные в голенища узконосых сапог.

Суровые лица с прямыми хрящеватыми носами, широкие бороды. У многих длинные волосы, из-за чего некоторые всадники издали даже показались Лехе похожими на женщин.

И чем дальше со своего места Леха Ларин насторожено рассматривал ряды потенциального противника, тем глубже у него становилось чувство «дежа вю», которое очень быстро оформилось в умозаключение: «те же скифы, только в профиль».

Сделав шаг вперед, Леха обернулся на стоявшего невдалеке Иллур, и подумал: «Что там наш царь говорил о кровном родстве с этими разбойниками?» Но Иллур смотрел не на него, а в другую сторону, откуда, отделившись от основной группы, с холма медленно приближались к лагерю, пять длинноволосых всадников. Впереди всех ехал молодой красавец с длинным мечом на боку. Когда это посольство приблизилось на тридцать шагов, и лица сарматов можно было рассмотреть детально, Леха не поверил своим глазам, – все пятеро были женщинами.

«Бабы! – чуть не вскрикнул Леха, едва сдержавшись. Он в недоумении перевел свой взгляд на маячившие вдалеке ряды сарматов и отметил, что едва ли не четверть из них были длинноволосыми, и не носила бороды, – вот это да!».

Пять амазонок⁹ продолжали приближаться к лагерю и, наконец, оказались у внешнего кольца скифских всадников. Иллур подал знак. Его воины расступились, пропуская странных послов. Едва те проникли внутрь скифских порядков, как кольцо воинов вновь замкнулось. Не торопясь, словно разговор предстоял незначительный, они проехали сквозь строй скифских бородачей и остановились у центральной юрты, где их подждал Иллур, скрестив руки на груди. Рядом находились повозки с золотом, которые Иллур велел специально раскрыть, сняв с них рогожу. Золото сверкало и переливалось теперь под лучами поднимавшегося по чистому небосводу солнца.

Почему скифский царь не пожелал подняться на коня даже для встречи послов, которых так долго ждал, Леха не понял. Может, хотел позлить их? Или указать на что-то. В общем, бывший морпех не стал вдаваться в детали этикета степняков, а просто по примеру царя остался пешим. Так они и стояли у шатра вдвоем пешими, а вокруг них теснились конные воины.

Амазонки в богатых и качественно сделанных доспехах, – это Леха уже определял на глаз, – остановили своих коней в десяти шагах от Иллур. Все пятеро были высокого роста,

⁹ Как утверждает римский историк Помпей Трог, зафиксированное в греческих преданиях знаменитое «царство амазонок», было основано на южном берегу Черного моря скифскими юношами царского рода, Плином и Сколопитом, изгнанными из отечества около 21 в. до н.э. По всей видимости, это царство действительно существовало в течение 2-го тыс. до н.э. В хеттских источниках упоминается некая «страна Каска» на малоазийском побережье Черного моря, где правили воинственные царицы, которая может быть тождественна «царству амазонок». Согласно исследованиям Н.И.Васильевой (Краткая история Великой Скифии) этноним «каска, касог, касак» отмечается в Приазовье и на Кубани еще в Средние века; очевидно, он относится еще к протоарийской эпохе, и именно к нему восходит современный термин «казак». Амазонки из «страны Каска» оказываются... казачками! «Страна амазонок» долгое время поддерживала политические связи со Скифией, своей прародиной. Однако, по всей видимости, в поздний период своего существования (около 13 в. до н.э.) его интересы стали расходиться с интересами скифской метрополии. Царица Пентесилея, участвовала в Троянской войне уже на стороне Трои, форпоста малоазийской цивилизации на западе. Интересно, что штурмовали город соединенные войска греков-ахейцев и данайцев (танаитов, донцов), тоже выходцев с берегов Азовского моря. Мифические подробности «из жизни амазонок» возникли потому, что греческие источники просто слегка преувеличивали хорошо известные грекам обычаи скифских и особенно сарматских женщин. В частотности считалось, что амазонкам прижигали правую грудь, чтобы они могли лучше стрелять из лука. Также девушка не могла выйти замуж, прежде, чем убьет хотя бы одного врага. У скифов и сарматов, очевидно, господствовал обычный парный брак с правом развода. Но «культурные» греки часто клеветали, утверждая о принятом среди них обычае группового брака. Слишком обаятельными были сарматские всадницы-амазонки. И слишком большой контраст они представляли с греческими женщинами, которые делились на гаремных затворниц и гетер-проституток. Впрочем, «отец истории» Геродот, познакомившихся со скифскими обычаями, твердо заявил, что группового брака у них не существует. Многочисленные античные предания об амазонках относятся преимущественно к сарматским женщинам. А сарматские женщины, как и мужчины, отличались силой и военной активностью. Женщины у сарматов не только пользовались равными правами с мужчинами, но даже несли наравне с ними военную обязанность. Амазонки владели всеми видами оружия и пользовались правом голоса при решении общинных проблем. А сарматские царицы часто лично вели войска в бой.

мощны в плечах, с крепкими руками, а женская грудь, стянутая панцирями и ремнями, была почти незаметна. Но воображение морпеха уже начало дорисовывать невидимую глазам картину. Бабы-то были, все как на подбор, – кровь с молоком. Да и уродинами их было не назвать. Красивые, короче, бабы. А когда ближняя, та, что была среди всех главной, сняла шлем и тряхнула своей гривой, морпех чуть рот не раскрыл. И мысли в его голове закрутились отнюдь не воинственные.

– Что тебе нужно в наших степях, Иллур? – произнесла амазонка, слегка скользнув взглядом по лицу морпеха, но в упор посмотрев на царя скифов. Без всякого страха и раболепия, почти снисходительно.

«Да они знакомы», – пронеслось в мозгу удивленного морпеха, когда он перевел взгляд на Иллур, по лицу которого от слов неизвестной воительницы на миг пробежала тень. Но царь скифов сдержался, уроки хитроумного Фарзоя не прошли даром.

– Я пришел к твоему царю, Орития, – проговорил в тон ей, словно нехотя Иллур, – и ищу встречи с ним.

Амазонка помолчала некоторое время, словно обдумывая следующие слова и, наконец, заявила.

– Клянусь памятью великой Зарины, Гатар не говорил мне, что ждет тебя.

«Хороша чертовка, – подумал Леха, откровенно разглядывая скуластое лицо Оритии и доспех, так плотно стянувший грудь, – жаль ног не видно».

Ноги воительницы действительно были спрятаны под широкими кожаными штанами, стянутыми на лодыжках ремешками также как и у всех сарматов и скифов. Одеждой эти народы, судя по всему, отличались не очень сильно. Да и говорили почти на одном языке. Сарматская воительница общалась с царем Скифии без переводчика и Леха, как ни странно, все понимал. Разве что, некоторые слова упускал. Но и без них картина была ясна.

Параллельно, пользуясь случаем, Леха разглядел и четырех подруг Оритии, благо находился рядом с ними. Все амазонки, затянутые в сверкающие на солнце доспехи и обвешанные оружием с ног до головы, имели красивые лица, голубые глаза и длинные русые волосы. Ни дать ни взять – русские красавицы из сказки. Только в отличие от последних, отнюдь не томные и романтические, а очень даже грозные с виду, но оттого не менее притягательные. Одна из них, заметив на себе откровенный взгляд морпеха, даже схватилась за рукоять меча, но сидевшая рядом на коне амазонка, удержала ее. Орития, занятая разговором с Иллуром, ничего не заметила. Для нее Леха Ларин не многим отличался от пустого места.

«Какие горячие девчонки, – думал Леха, зачарованно поглядывая на спутниц Оритии, – вот бы познакомиться поближе». Даже мысль о беременной Заране, оставшейся далеко в Крыму, не могла сейчас отвлечь его от происходящего.

– Да, я пришел без спроса, – спокойно ответил Иллур, и, обернувшись в сторону повозок с золотом, добавил, – надеюсь, эти скромные дары, заставят его сменить гнев на милость.

– Золото греков? – деловито уточнила Орития, проявив осведомленность о последних военных победах Иллур. А Леха лишний раз убедился, что в степи и без телефона новости распространялись достаточно быстро.

– Оно самое, – кивнул Иллур, снова ничуть не удивившись, – и я готов поделиться им с вами. Пусть оно послужит залогом нашей дружбы.

Орития усмехнулась. И Леха понял, что ее было не так легко обмануть. Она ни на секунду не поверила лъстивым речам скифского царя. «Да здесь бабы, не только красивые, но и умные, – со всевозрастающим удивлением отметил он про себя, – да еще сильные. Повезло нам, однако, с родственниками».

– Я пошлю гонцов в Метрополь, а ты пока будешь ожидать здесь, – заявила, немного поразмыслив, Орития и снова надела шлем, – ответ будет завтра.

– Я буду ждать, – согласился Иллур, – и золото будет ждать вас.

Развернув коней, амазонки ускакали в сторону занятых сарматами холмов, разрешив ветру развеять их длинные волосы. Там они остановились. Раздалось несколько команд. Тут же часть сарматских всадников развернулась и ускакала в сторону реки. Остальные сомкнули ряды, заполнив освободившееся пространство. Похоже, эта Орития управляла здесь всем отрядом. «Баба-атаман, – с восхищением подумал Леха, – вот это армия! Интересно только, она мечом махать умеет или только для красоты носит?».

Размышляя таким образом, Леха даже не подозревал, что совсем скоро ему представится случай самому узнать ответ на этот интересный вопрос.

Глава четвертая Хозяйка Еректа

Когда прекрасные воительницы покинули территорию окруженного лагеря, Иллур, проводив их взглядом, как ни в чем не бывало вернулся в царскую юрту. Леха вошел вслед за ним. Иллур казался довольным.

– Зря ты им золото показал, – заметил Леха, – их же больше. Могут попытаться отобрать.

– Нет, – ответил Иллур, – в ближайший день ничего не случится. Слово Оритии для этих воинов закон. Это ее армия.

– Значит все прошло как надо? – на всякий случай поинтересовался бывший морпех, – они не собираются нападать на нас?

– Нет, – успокоил его Иллур, опускаясь на ковер, – садись, отведай мяса и вина. Забудь о них. Боги нас не оставят. Будем просто ждать.

Но Леху распирало любопытство.

– А кто такая эта Орития? – не утерпел он, присев рядом, – я думал в армии только мужчины служат.

– У нас да. Хотя и у нас раньше бывали такие воительницы, – с едва уловимым сожалением в голосе ответил Иллур, отпивая вина из золоченой чаши, которую только что наполнил возникший из-за спины слуга. Тоже самое слуга сделал с чашей Лехи, а затем как всегда мгновенно исчез, чтобы не мешать царю вести беседу. Верховный вождь скифов после встречи с амазонками, похоже, сам был не прочь обсудить эту тему.

– Царица Орития, – правая рука Гатара. Он высоко ценит как ее ум, так и ее армию, одну из сильнейших у наших северных границ.

– Так она не просто воюет, но еще и мужиками управляет? – искренне удивился Леха, – настоящая царица, – вот это да. Я и не думал что у вас, то есть у нас, такое возможно. А где ее царство?

– Мы на ее земле, – нехотя пояснил Иллур, и лицо его снова омрачилось, – Гатар отдал ей все междуречье от Танаиса до Борисфена¹⁰, некогда принадлежавшее скифам. И она неплохо управляет со своим царством. Ее крайние земли вплотную подходят к Ольвии с Запада. Она давно присматривалась к этому богатому городу, но мы ее опередили.

– Вот значит как, – смекнул Леха, – мы у нее знатную добычу из-под носа увели. Думаешь она после этого будет с тобой дружить?

– Гатар давно зарится на земли у самого моря, что принадлежат теперь мне, – туманно ответил Иллур, – рано или поздно он попытается их отнять. И тогда мы выясним, кто из нас достоин жить под степными звездами. Но сейчас сарматы в силе. А я мечтаю вернуть былую славу скифам, а значит и земли, где мой народ обитал в древности. Для скифа в этих степях везде дом.

Иллур обернулся и пристально посмотрел в глаза кровному брату.

– Битва обязательно будет, но не сейчас, ее надо отложить. И греческое золото – это не слишком дорогая цена за то, чтобы Гатар не ударил мне в спину. Поэтому мы должны договориться, и Орития нам в этом поможет.

– Думаешь бабам можно верить? – напрягся Леха, вспоминая накаченные формы царицы местных амазонок, которые, похоже, не его одного взволновали.

– Я знаю как привлечь ее на свою сторону, – опять туманно ответил Иллур, как и полагалось царю, который знал гораздо больше чем говорил.

¹⁰ От Дона до Днепра.

– А как она воюет? – уточнил морпех, и, прожевывая жесткий кусок мяса, вспомнил о крутых спутницах Оритии, – Сама-то хорошо дерется? А ее подруги?

Появившийся из-за спины слуга снова наполнил чашу царя. У Леха вино еще оставалось.

– Мне рассказывали, что в жестоком бою Орития однажды в одиночку изрубила в куски двенадцать крепких воинов... – начал отвечать Иллур.

Услышав это, Леха чуть не подавился, но виду старался не подавать.

– А ее ближайšie воительницы вчетвером уничтожили отряд из тридцати человек.

– Серьезные девушки, – только и смог выдать из себя Леха, – а сколько их всего на службе?

– Только в армии Оритии почти десять тысяч таких воительниц, – охотно пояснил Иллур, глядя на тлеющие угли очага, – А кроме нее у Гатара служат и другие царицы. Сарматия обширна и простирается на север вдоль великих рек до непроходимых лесов.

В юрте повисло молчание.

– Но ведь скифы не столь трусливы, чтобы бояться каких-то разъяренных баб? – вдруг ни с того ни с сего спросил Леха.

– Нет, – просто ответил Иллур, и наклонившись к Лехе, добавил, – Но не советую тебе, Аллэксей, испытывать доблесть Оритии или ее подруг. Мне не хотелось бы потерять кровного брата так рано.

Леха инстинктивно кивнул, а сам подумал: «Да что он меня, за слабака, что ли держит. Меня, морпеха, который запросто может разбросать одной левой десяток крепких мужиков, а не то что пятерых, пусть даже до зубов вооруженных баб! Я же в деле себя уже не раз показал. Сам мудрый Фарзой меня хвалил. Обидно даже. Надо будет пообщаться с одной из этих баб поближе. Закадрить как-нибудь при случае, да показать на что способен Леха Ларин. Бабенки-то знатные, да и я не промах. Авось, чего и выйдет».

Он хитро ухмыльнулся, но вслух ничего не сказал, решил не волновать царя. Вдруг еще запретит вообще к амазонкам подходить.

Леха провел в гостях у Иллора довольно долгое время, и утренняя трапеза закончилась к обеду. Потом к царю заглянул Арчой с докладом, а Леха ушел к себе в юрту, задержавшись по дороге, чтобы проверить боеготовность своих людей, оставленных под начало Инисмея, Гнура и Уркуна. Люди не скучали, находясь на конях и при оружии. И хотя битвы не предвиделось, напряжение в кольце блокады не спадало. По сути, Иллур добровольно сделал себя и свое войско заложниками воли сарматского царя и его смазливой помощницы. Но Леха не стал забивать себе голову подобной ерундой, а, добравшись, наконец, до юрты, повалился на ковер и там проспал до вечера. Будущее покажет, и ждать его не долго. Так прошел день, а на утро прибыли гости.

Леха еще спросонья ощутил непонятное шевеление в лагере, а когда, облачившись в доспехи, вышел наружу, то успел увидеть, как с занятых сарматами ближних холмов опять съезжает вереница всадников, только на этот раз боле многочисленная – человек сорок. Да и сарматов, похоже, прибыло. Леха пригляделся получше к холмам, и ему показалось, что теперь окружение стало двойным.

Когда гости приблизились, стало возможным рассмотреть их предводителя. На этот раз впереди ехала не бой-баба Орития с боевыми подругами. Во главе отряда из мощнотелых всадников в дорогой броне, что укрывала и коней, находился крепкий мужик свирепого вида. Грудь его прикрывал пластинчатый панцирь, на поясе висел длинный меч. Мужик ехал вовсе без шлема и Леха увидел, что тот имел длинные волосы, а на лице бороду и усы. Щеку рассекал шрам, тонувший в бороде. Выражение глаз у всадника было как у орла, который готов броситься на добычу. А когда тот поравнялся с юртой начальника конной разведки и скользнул по его лицу взглядом, Лехе захотелось вытянуться по стойке «смирно», – такая от всадника исходила мощная злоба.

Словно услышав его мысли, стоявший неподалеку Арчой сказал вполголоса, но так что Ларин его услышал отчетливо:

– Вот и сам Гатар пожаловал.

Следом за царем сарматов, который к удивлению Лехи не имел на голове ни короны, ни другого знака царской власти, ехала его правая рука, воительница Орития, а рядом с ней четыре амазонки, виденные морпехом вчера. Та, что не выдержала его наглого взгляда и едва не бросилась на него, выхватив меч, тоже была здесь. Леха ее быстро заметил, да и она его одарила взглядом, в котором сверкнул холодный огонь.

– Отлично, – сказал сам себе Леха, выдержав взгляд, – Объект прибыл. При первой же возможности начнем разработку.

Но возможность представилась нескоро.

Гатар с охранниками приблизился к походной юрте Иллур, который на этот раз встречал его на коне и в полном вооружении. Смерив друг друга взглядами и спешившись, они оба вошли внутрь, а у входа встали охранники обоих царей. Справа от входа скифы, слева – сарматы, в числе которых были и амазонки. Часть охранников образовала вокруг юрты кольцо оцепления.

Леха грешным делом надеялся, что Иллур позовет его, как кровного брата, на переговоры, но скифский вождь сегодня вообще не удосужился даже поприветствовать его, а на переговоры не позвал не только начальника разведки, но даже Арчоя, хотя тот был здесь вторым после него самого.

«Ну и хрен с вами, – решил Леха, – в принципе, не мое дело лезть поперек батьки в пекло. Пусть сами разбираются».

Часа два он болтался без дела по лагерю, ожидая пока закончатся переговоры и проверяя без того готовых к бою Инисмея, Гнура и Уркуна. Все их воины находились сейчас в седлах, любовно поглаживая свои луки, на тот случай, если цари вдруг не договорятся. А цари говорили долго. Они не выходили из юрты почти до самого вечера, и если бы не Леха, просидели бы там, наверное, до следующего утра. Но вконец заскучавший от напряжения морпех после легкого, но сытного обеда в своей юрте вновь вышел прогуляться по лагерю. И оказавшись недалеко от юрты Иллур, приблизился к оцеплению, где заметил одну из вчерашних амазонок в полном вооружении, но без щита. Ту самую, которой не понравилось, что ее разглядывали. Рядом с ней стояли охранники-мужчины из сарматов, чуть поодаль скифы. У всех на лицах читалась напряженное ожидание. Никто не знал, чем могут закончиться переговоры, но, такая была у них служба – сдерживаться, пока не прикажут колоть и рубить.

Увидев приближавшегося скифа и, без сомнения, узнав его, амазонка благоразумно отвернулась. Но не таков был Леха Ларин, чтобы не попытаться навести мосты, имея шанс. Другого шанса ведь могло и не быть. Поэтому, не обращая внимания на то, что затянута в доспехи длинноволосая красавица находилась при исполнении, он остановился в двух шагах от нее и поинтересовался, прищурившись на солнце.

– И не жарко такой красавице в доспехах?

Амазонка смерила его уничтожающим взглядом, но промолчала.

– А шлем зачем носишь? – продолжал издеваться Леха, пытаясь вызвать воительницу на разговор, – грех такую красоту прятать.

Амазонка молчала, вцепившись руками в кожаный пояс, на котором висел меч, и вперив в него тяжелый взгляд своих голубых глаз, но Леха уже решил довести ее до кипения. Иногда он посматривал на стоявших рядом сарматов, предполагая, что мужики могут вдруг вступить за девушку, но те только хмурились, предоставив амазонке самой решать свои проблемы. «Да, – подумал с удивлением Леха, пытаясь раззадорить ее своим наглым видом, – действительно, полное равноправие».

– Отойди, скиф, – наконец, процедила сквозь зубы воительница.

– Это почему? – делано удивился Леха, выставив вперед левую ногу и тоже взявшись за пояс руками, как это делала амазонка.

– Наши цари беседуют. Ты не должен находиться здесь.

– Ну и пусть, мы то им не мешаем, – резонно заметил Леха, – пойдем лучше прогуляемся по лагерю, а то чего тебе тут киснуть. Я тебе лучше свою юрту покажу. Не бабское это дело, броню носить. Ты без нее гораздо красивее.

Удар в лицо был таким мощным и быстрым, что Леха мигом оказался на земле. И главное он, мастер по рукопашному бою, лучший из своего взвода, даже не успел заметить, как взметнулся кулак этой девицы. Раз, и он уже валяется в пыли с дикой болью в районе левого глаза. Этого бравый морпех никак не ожидал. Обидно, однако.

– Ах ты зараза, – от неожиданности Леха даже перешел на русский, – мужиков бить? Ну, я тебе сейчас покажу, где твое место, шалава.

Он вскочил на ноги и попытался выхватить акинак, но удар ногой в грудь опять повалил его на землю. Падая, морпех успел заметить разъяренное лицо красотки, по которому было видно, что Леха Ларин достал ее основательно и теперь ему несдобровать. Хорошо, если не отрежет самое дорогое.

Получив второй удар, Леха окончательно пришел в себя. Надо было восстанавливать честь мундира. Он резво вскочил, изловчился и перехватил новый удар ногой, направленный ему в голову. А, поймав ногу в сером кожаном сапоге с острым носом, дернул ее на себя и в падении подсек вторую. Успешно. Амазонка рухнула в пыль вслед за ним. Но сдаваться она не собиралась. Баба была крепкая, это он быстро понял. Хватило пары ударов. И, когда Леха напрасно выпустил ее ногу, воительница ощутимо пнула его в бок, едва не сломав ребро, отпрыгнула назад, и, очутившись на ногах, выхватила меч.

Увидев блеснувший на солнце клинок, Леха сообразил, что его прикол зашел слишком далеко. Не ясно, о чем там уже договорились цари, но он сейчас мог сорвать международные переговоры и начать войну одним неловким движением меча. Хотя выбирать уже не приходилось. Война началась. Если он не убьет эту разъяренную фурию, то она его точно на ленты порежет.

Леха тоже вскочил на ноги, выхватил клинок и осмотрелся. Щита при нем не было. Морпех ожидал увидеть оцетинившиеся клинками и копьями ряды солдат, но, к своему удивлению, заметил лишь заинтересованные лица. Все, и скифы, и сарматы, оставались на своих местах, лишь с интересом наблюдая за схваткой двух человек, словно их это совсем не касалось. Амазонку такое поведение воинов не смущало, а вот Леха, поймав на себе пару сочувствующих взглядов со стороны сарматов, был озадачен. Он не знал, как теперь быть. Не убивать же эту бабу, в самом деле. Но прекрасная воительница быстро лишила его всех сомнений, бросившись вперед с мечом.

Леха отразил ее выпад и попытался выбить меч из рук, но не вышло. Проскочив мимо, амазонка развернулась, и присев, с разворота нанесла рубящий удар по ногам скифа. Ларин подскочил едва ли не на метр в воздух, но зато сохранил ноги. Потом он подпрыгнул еще и еще раз, потом пригнулся – меч амазонки просвистел в сантиметре от макушки.

«Чертова баба», – злился Леха, пытаясь нанести меткий ответный удар, но у него все не выходило. Он едва успевал защищаться от града ударов, что наносила длинноволосая бестия. Меч в ее руках так и сверкал, быстро сокращая расстояние между жизнью и смертью.

Постепенно войдя в раж, Леха, как ни странно, успокоился. Несколько раз он даже успешно переходил в атаку, делая яростные выпады, и однажды смог таки задеть амазонку в бедро, защищенное кожаными ремнями. Не ранил, – только разъярил еще больше. Затем еще дважды его меч скользнул по бокам её доспеха, вспоров его в районе правой груди. При этом Лехе даже слышались возгласы удивления со стороны наблюдавших за схваткой солдат. Амазонка отвечала на это яростными прыжками и новыми атаками. Сил у нее, казалось,

было больше чем у Леха. Наконец, морпех изловчился и хлестким движением сшиб шлем с головы воительницы. Ветер тут же разметал ее длинные волосы, а сама она закачалась, слегка оглушенная, но оружия не выпустила.

– Красивая баба, черт меня раздери, – заметил Леха вслух. Убивать красотку он по-прежнему не хотел. Все надеялся, что она признает себя побежденной.

Но уязвленная тем, что пропустила такой опасный удар, голубоглазая амазонка снова бросилась в атаку, и на этот раз все было кончено быстро. Заевавшийся Леха пропустил молниеносный выпад в плечо, – к счастью доспех спас от серьезной раны, – следующим ударом амазонка вышибла у него меч из рук, и Леха уже приготовился принять смерть, но получил лишь удар в лицо рукоятью меча, вновь, уже в который раз, сваливший его на землю. Тотчас железо холодом кольнуло его кадык.

«Ну, вот и все, – пронеслось в мозгу морпеха, – кончились танцы».

Но тут до его слуха донесся резкий окрик. Амазонка нехотя отвела меч в сторону, сделав шаг назад, и Леха сквозь туман в глазах увидел стоявших у выхода из юрты царей.

– Впервые вижу бойца, что продержался против нее так долго, – спокойно заметил Гатар, словно речь шла не о лехиной жизни, а о сломанной ветке, не стоившей и внимания, – он меня удивил. Думаю, это стоит того, чтобы сохранить ему жизнь.

Затем Гатар повернулся к царю скифов и добавил, завершая начатый ранее разговор.

– Что же, пожалуй, я возьму твое золото. Считаю, что мы договорились. Завтра ты получишь то, о чем просил.

И сделав знак охране следовать за собой, Гатар вскочил на коня, которого ему подвели.

Голова раскалывалась от боли. Левый глаз почти заплыл. Из рассеченной губы кровь лилась Лехе прямо в рот. Но, когда амазонка уже развернулась, чтобы последовать за своим царем, он вдруг дернулся, попытавшись ее задержать.

– Как тебя звать-то, красавица? – прохрипел Леха, сплюнув кровь.

– Исилея, хозяйка Еректа, – неожиданно ответила амазонка, и добавила, тряхнув своей гривой – запомни это имя. В следующий раз, если встанешь у меня на пути, я тебя убью.

– Ну, вот и познакомились, – пробормотал Леха, быстро уплывая в сладкий туман небытия.

Очнулся он уже у вечером себя в юрте. Рядом сидел его кровный брат, за спиной которого стояли Инисмей и Гнур. Увидев что морпех очнулся, Иллур сделал знак, и сотники покинули юрту.

– Выпей, Аллэксей, – Иллур протянул ему чашу с каким-то жирным отваром.

Леха выпил, закашлялся. Ему показалось, что это был просто раскаленный жир, но абсолютно не соленый. Впрочем, соли немного добавляла еще сочившаяся из разбитой губы кровь.

– Зачем ты привязался к ней, брат? – укоризненно, но на удивление спокойно заметил Иллур, поняв, что Леха уже достаточно пришел в себя, чтобы говорить, – я же тебя предупреждал.

Леха помолчал, с трудом размышляя. Ему казалось, что Иллур должен был его немедленно казнить за выходку во время столь важных переговоров. Но Иллур был не только царем, а еще и скифом по рождению, а значит и в нем бурлила горячая кровь степняков.

– Не поверил, что бабы могут драться лучше мужиков, – честно признался Леха, прикусив распухшую губу и застонав от боли, – проверить захотел. Да и познакомиться тоже. Женщина больно красивая.

Иллур ухмыльнулся.

– Я тебе подарю сотню наложниц, если захочешь, – ответил на это скифский царь, – но к Исилее больше не подходи. Она тебе не ровня, да и убьет, если обещала. Исилея лично

отправила на встречу с богами уже больше сорока врагов. Давно бы могла выйти замуж¹¹, но не хочет.

– А что так? – удивился Леха.

– Ей больше нравится воевать, – пожал плечами Иллур, – как и многим сарматским женщинам.

Леха перестал стонать и повернулся на бок. Ребро тут же отозвалось. Удар сапога хозяйки Еректа он ощущал до сих пор. «Хорошо если не сломала мне ничего, чертова баба», – с грустью подумал морпех.

Такого позора он в своей жизни еще не испытывал. Мало того, что с бабами никогда не дрался, да еще и принародно проиграл этот первый бой. Леха не знал, как теперь показаться на глаза своим воинам. Уж лучше бы она его убила, и зачем этот Гатар только ее остановил. Засмеют ведь!

Но Иллур его быстро успокоил. Оказывается, никто над ним не будет насмехаться. Тот факт, что в бою с Исилеей он остался жив да еще едва не победил, только заставит солдат еще больше уважать его. Слава сарматской воительницы была немногим меньше славы самой Оритии. И не только все сарматы, но даже и скифы были наслышаны о смелой правительнице города Еректа и считали для себя за честь сразиться с ней. Во всяком случае, лучшие степные воины держали ее за равную себе. Узнав об этом, Леха немного расслабился. Получалось, можно жить дальше. Позор был не так уж и силен. А раны заживут.

– Держись от нее подальше, – снова повторил Иллур.

– Как же я к ней подойду, если больше ее никогда не увижу, – удивился Леха, потеряв заплывший глаз и попытавшись при этом слабо улыбнуться, – переговоры закончены. Мы ведь теперь подадимся обратно?

– Да, – подтвердил Иллур, вставая, – завтра выступаем. Я уже отдал приказ Арчою. Думаю, за ночь ты успеешь зализать раны.

А уже у самого выхода из юрты, Иллур обернулся и, немного помолчав, добавил:

– Ты должен знать. В большом походе на запад к моим войскам присоединится армия Оритии. Гатар согласился воевать вместе и отправляет ее с нами. Завтра утром они снова будут здесь. Так что запомни все, что я тебе рассказал.

Леха только тихо простонал в ответ.

¹¹ По преданию сарматская девушка могла выйти замуж не раньше, чем убьет хотя бы одного врага.

Глава пятая

Монте-Санта-Кроче

На утро после захвата переправы Федор посчитал потери и отправил гонца с сообщением в штаб Атарбала, находившийся в одном дне пути от места событий. Ночной штурм укрепленного моста обошелся ему дорого, почти в четыреста душ убитыми и ранеными, зато римляне полегли все. Их тут действительно оказалось больше тысячи. Но основная масса легионеров была уничтожена уже за мостом, на равнине, зажатая превосходящими силами финикийцев. Но кое-то успел сбежать, воспользовавшись темнотой. Да так бежал, что и нумидийцы не смогли догнать.

К счастью ни он сам, ни Урбал с Летисом не получили в этом бою серьезных ранений, хотя и находились в самой гуще схватки. Зачем Федора понесло драться, он на утро и сам объяснить не мог. Видно так надоело боевому офицеру в штабе прохладиться, что смотреть спокойно не смог, как гибнут его люди. Сработал рефлекс сержанта – всегда быть первым в бою. Впереди, как говорится, на лихом коне. Хотя запросто мог бы отсидеться за спинами своих солдат, тем более что положение обязывало контролировать всю ситуацию от начала и до конца. Как ни крути, не взводом командует. Но вот не сдержался, за что и ругал себя теперь нещадно. Хотя солдаты лишь восхищались своим бравым командиром.

Однако, захватить мост было еще полдела. На утро выяснились новые обстоятельства, заставившие Федора сняться с места, оставив у переправы под командой Урбала половину своей двадцатой, самой потрепанной хилиархии до подхода основных сил, – охранять мост и разбирать завалы, что настроили римляне. Остальным он не дал отдыха и приказал двигаться дальше, чтобы к вечеру следующего дня оказаться как можно ближе к видневшимся на горизонте горам, которые пленные легионеры называли Санта-Кроче. Там, на склонах этих гор, вставших на пути Федора и растянувшихся от недалекого уже западного побережья моря на восток, находился городок Теан.

От пленного легионера, которого он лично допрашивал утром, благо латынь знал хорошо, Федор Чайка узнал, что в этом городке, приютившемся на высоких склонах хребта Санта-Кроче, засел римский легион, отправленный сюда прямым путем из Остии Марцеллом, едва узнавшим о разгроме в битве при Каннах сил Варрона и Павла.

– Сам Марцелл уже там? – спросил Федор, пристально вглядываясь в наполненные злобой глаза пленного легионера. Доспех на нем был разодран, лицо разбито, а шлем вообще потерян. Но римлянин смотрел бесстрашно, даже с вызовом.

– Нет, – все же ответил тот, помолчав немного, – когда мы прибыли в Казилин, претора с подкреплением еще не было.

– А когда ожидалось прибытие подкреплений? – наседал Федор, – и зачем вам эта горная крепость в стороне от дорог?

Он еще приблизился к римскому солдату, что полулежал прислоненный к каменной ограде моста со связанными за спиной руками, и наклонился над ним.

– Пошел вон карфагенская змея, – ответил тот еле слышно, но с нескрываемой ненавистью, и добавил уже громче – я солдат, а не консул.

– Что же, тогда умри как солдат, – решил Федор и сделал знак стоявшим за спиной бойцам.

Впрочем, зачем римлянам занимать крепость на склонах Санта-Кроче, Федор и сам догадывался. Сделано это было, скорее всего, для того, чтобы прикрыть Латинскую дорогу в случае, если Ганнибал двинется к Риму. Рассматривая карту еще в штабе Атарбала, Федор сразу увидел выгодное положение этого городка. Ведь заняв его и укрепившись на горе, Марцелл мог контролировать все пространство внизу, где у расположенного еще на равнине другого

городка Калы сходились две главные дороги, ведущие на север, – Латинская и Аппиева. Первая вела сквозь горы в центр страны, а вторая сразу уходила в сторону моря, но была гораздо удобнее. Прикрывать ее отсюда тоже было гораздо легче. Даже если армия Карфагена сходу и захватила бы Калы, а затем двинулась по дороге к морю, обойдя горный Теан, то Марцеллу ничего не стоило бы перебросить подкрепление через низкий перевал между горами Санта-Кроче и Массико, на которой находилась еще одна латинская колония Суесса-Аурунка. Федор, создавший первое подразделение горных разведчиков в армии финикийцев, сам отлично знал, что защищать перевал или даже два гораздо легче, чем сходить в открытой битве на равнине с самим Ганнибалом. Знал это и Марцелл.

И Федор решил немедленно, пока в Теане не могли догадываться о том, что карфагеняне уже захватили столь важный мост в долине Вультурна, достичь Кал – последнего оплота римлян на равнинах северной Кампании. Конечно, план был рискованный. Кое-кто из беглых римлян мог добраться туда раньше. И в пути можно было столкнуться со спешащими к захваченному мосту подкреплениями Марцелла. Но Федор почему-то был уверен, что даже если воинственный сенатор и прибыл в Теан, то на равнину не спустится, а будет копить силы для защиты перевалов, ведь он прекрасно знает, с кем воюет, а значит шанс есть. В любом случае, его послали узнать, здесь ли Марцелл и чем занят. Именно это Федор и намеревался выяснить.

До последнего городка на этой равнине, судя по имевшейся у бывшего морпеха походной карте, путь был не близкий. Два дня с обычной скоростью по голым равнинам. Но опыт говорил, что если передвигаться форсированным маршем, можно было успеть и за сутки. Беглые римляне тоже были пешими, могли далеко и не уйти.

– Всем кроме охранения моста строиться, – приказал Федор, выходя из походного шатра, и послал Териса за командиром нумидийцев, так отличившихся во вчерашнем ночном бою.

А когда перед ним возник строй блестящих на солнце щитов, панцирей и мечей, растянувшийся вдоль дороги на несколько сотен метров, Федор вдруг снова ощутил себя полководцем. Большим начальником, хотя и слишком молодым для поста, который занимал. И он должен был сейчас не просто отдать приказ, а еще что-то сказать солдатам, вдохновить их на новые подвиги.

– Вы храбро бились сегодня ночью, солдаты! – рявкнул он так, что его наверняка услышали на другом берегу Вультурна, – Но враг еще не разбит. А наша задача не выполнена полностью. И потому мы немедленно выступаем по дороге в сторону гор. Двигаемся форсированным маршем. Через сутки мы должны быть у подножия хребта. А еще лучше – хозяевами стоящего там города. Семнадцатая хилиархия отправляется первой, пятнадцатая замыкает колонну. Приготовиться к отражению возможной атаки противника. Враг рядом.

Бородатый воин Адгерон, командир свежей семнадцатой хилиархии, не принимавшей участия в ночном штурме, стоявший сейчас со своими солдатам метрах в пятидесяти от Федора, кивнул. Карталон тоже понял приказ, – его обрубленное ухо не мешало ему жить и слышать всё что нужно.

Семнадцатая хилиархия немедленно пришла в движение, и, повернувшись в сторону горы Санта-Кроче, перешла на легкий бег. Пока она покидала лагерь у моста, Федор через переводчика давал наставления командиру чернокожих нумидийцев, – поджарому низкорослому воину, одетому в одну лишь тунику.

– Ваша задача понятна, – дальняя разведка. Раздели своих людей на три отряда. Два пусть рыщут по обеим сторонам дороги, прикрывая фланги, а третий выдвигается далеко вперед, до самых предгорий. Осмотрите там все, если встретите римлян в бой не ввязывайтесь, а сразу ко мне с донесением. Все ясно?

Когда переводчик закончил свою тираду, нумидиец кивнул, как ни в чем не бывало, даже обнажил в улыбке белые зубы, а затем что-то пробормотал в ответ.

– Угурта спрашивает, что делать, если нагонят беглых римлян, – озвучил переводчик его бормотание, – привозить Чайке?

– Если настигните беглых римлян, всех уничтожить, – приказал Федор, – никто из них не должен добраться до гор раньше нас.

Нумидиец обнажил белые зубы еще раз, а потом лихо взобрался на коня и ускакал к своим воинам, поджидавшим его в отдалении. Приблизившись, Угурта в двух словах что-то быстро объяснил им, затем раздался зычный крик и три отряда растеклись по окрестным плоским холмам и равнине. Проводив Угурту взглядом, Федор тоже взобрался на коня и махнул рукой в сторону замершей в ожидании двадцатой хилиархии, сильно потрепанной во вчерашнем бою.

– Вперед!

Закинув щиты за спину, солдаты перешли на легкий бег, а Федор поехал неспешным шагом на лошади рядом со строем своих воинов. Вообще-то, командир пешей хилиархии по большей части должен был тоже передвигаться пешком, но для выполнения этого задания Атарбал лично разрешил Федору использовать коня, – подчиненных у него прибавилось, мог пешком везде и не поспеть. И Федор оценил по достоинству свои новые возможности, он действительно успевал везде. А уж римлян убил вдвое больше именно благодаря тому, что был верхом.

День прошел спокойно. Все время передвигаясь по дороге, авангард карфагенской армии не встретил на своем пути римлян ни конных, ни пеших. То же самое ему докладывали нумидийские дозорные, осматривавшие равнину на много километров по обеим сторонам дороги. К самым сумеркам, когда вернулся отряд разведчиков, оторвавшийся далеко вперед, Федор приказал встать лагерем на краю оврага, и разрешил, наконец, отдохнуть и плотно поесть своим солдатам. Частокола не строили, просто обставили со всех сторон повозками, на которых везли походный скарб: шатры, палатки, котлы, еду.

Прискакавший к его шатру Угурта лично доложил уже начавшему беспокоиться Федору, что нумидийцам удалось незаметно добраться до самых городских окраин. Вокруг города есть холмы и овраги, которые скрывают их передвижения. Там же в оврагах, они обнаружили почти человек тридцать беглых римлян уже почти у самых стен города и закололи всех, как и было приказано. Перед самым городом протекает река, через которую они перебрались вброд в километре правее охраняемого моста. Река быстрая, но не широкая.

– Сколько еще до города? – уточнил через переводчика Федор.

Нумидиец что-то сказал, оживленно размахивая руками. Переводчик тоже долго волновался, делая непонятные жесты, но, в конце концов, они договорились.

– Пешим примерно полдня пути, – объявил он свое решение.

– А римляне там есть? – снова спросил Чайка.

– Есть, – ответил нумидиец, – но мало. Крепость небольшая. Стены ветхие. В город не входили, но жителей в нем нет, это точно. Все ушли. А на стенах крепости солдат тоже очень мало. Значит гарнизон небольшой, тысячи полторы легионеров.

– Это еще не факт, – заметил Чайка, неожиданно переходя на русский, чем очень удивил переводчика, – вы же в домах не смотрели, а они могли и спрятаться. С римлян станется.

Однако, заметив изумление в глазах переводчика, снова перешел на финикийский.

– Крепость где стоит? В центре города или на окраине?

– В центре, – подтвердил командир конных разведчиков.

– Ну, ладно, – закончил Федор, которому полученных данных хватило для принятия решения, – скажи Угурте, пусть отдыхает со своими людьми. Завтра выступаем еще до рассвета.

Отчитавшись перед начальством, улыбчивый нумидиец исчез в ночи. А Федор прошелся по лагерю, лично проверив посты, а потом вызвал командиров хилиархий к себе на совет.

– Отдыхаем только до рассвета, – сообщил он, когда все собрались в его шатре, – подъем затемно и также, форсированным маршем выдвигаемся в сторону города. До него полдня пути. Когда рассветет, мы должны быть уже на подходе. Повозки и весь обоз оставляем здесь, берем только лестницы и веревки с крюками.

Федор, помолчав немного, продолжил.

– Вокруг города уже начинаются предгорья. Много холмов и оврагов. Твои люди, Урбал выдвигаются вперед и проводят разведку в городе. Нумидийцы сообщили, что город пуст, местные жители ушли в горы, видимо под защиту легиона Марцелла, но я хочу в этом убедиться.

– Все сделаем, – наклонил голову финикиец, – можешь не сомневаться.

– Дальше, – он повернулся к Карталону, чье отрезанное в бою ухо в свете свечи придавало его иссеченному морщинами обветренному лицу злое выражение, – если город пуст, твоя хилиархия, Карталон, занимает его и наносит удар по крепости, что стоит в центре. Затем подходят остальные. Семнадцатая в резерве.

– Чайка, – не выдержал бородатый Адгерон, – разреши мне пойти на штурм первым. Мои солдаты просто рвутся в бой.

– Успеешь, – окоротил его Чайка, – утренний штурм – это только начало. Если гарнизон там невелик и все пройдет удачно, дальше попробуем пробраться в горы. А там стоит, как минимум, свежий легион. Навоюешься еще.

Адгерон умолк, смилив свое рвение. Хотя по лицу воина было видно, что он готов к любой драке, даже с превосходящими силами противника, лишь бы пустили в бой. Но у Федора были свои соображения насчет резерва, а потому, пришлось выполнять приказ.

Марш-бросок на рассвете прошел без проблем. Когда солнце начало поджаривать солдат в доспехах по-настоящему, авангард финикийцев был уже в предгорьях, спрятавшись в складках местности. Федор завел весь резерв и часть своей хилиархии в огромный овраг примерно в пяти километрах от видневшегося вдалеке города, а вперед выслал разведчиков Урбала и стал ждать. Нумидийцы, которые после битвы у моста не досчитались пятнадцати человек, также ожидали в овраге по соседству.

Вообще, как смог с ходу оценить обстановку Федор Чайка, подходы к Калам были просто созданы для нападения. Они перекрывали видимость оборонявшимся почти со всех сторон, и можно было незаметно подвести небольшую армию почти к самым стенам. Река, отделявшая предгорья от равнины, была относительно быстрая, но не широкая и не могла служить серьезной преградой. Помимо моста, где был замечен небольшой пост римлян, здесь имелись многочисленные броды, три из которых нумидийцы умудрились разведать еще вчера. Видимо римляне знали об этом, и, скорее всего, – теперь Федор склонен был верить догадкам Угурты, – жители покинули город, оставив только гарнизон.

Зато гора Санта-Кроче казалась отсюда еще выше и неприступнее. Городок Теан, затерявшийся где-то на ее склонах отсюда было не различить. Позади карфагенян лежали равнины, а впереди вздымались неприступной стеной горы, перекрывая свободный путь вперед на Рим.

Урбал вернулся спустя пару часов, измазанный грязью и пылью. Он, как и Федор, несмотря на повышение тоже предпочитал сам ходить в разведку при первой возможности, а не только посылать своих людей.

– Ну? – коротко поинтересовался Федор, стоявший на краю оврага, среди зарослей кустарника. Солнце пекло нещадно. Денек обещал быть жарким во всех отношениях.

– Угурта не ошибся, – ответил финикиец, переводя дух, – город пуст. Дома брошены. Везде следы бегства, имущество оставлено. Видно, римляне бежали отсюда, едва узнав о нашем появлении в Капуе.

– Ясно, – кивнул Федор, вытирая струившийся со лба пот, – что с крепостью?

– Слабовата. Стоит в центре города. Старая. Стены прочные, но низкие. Можно быстро подойти и забраться, – начал излагать Урбал свои соображения, – а можно и горных разведчиков вперед пустить. Захватить башню и часть стены. Потом пустить остальных.

– Гарнизон?

– На стенах народу много, – продолжал финикиец, – внутри тоже, баллисты на башнях. Думаю, около тысячи легионеров наберется.

«Сведения совпадают», – мысленно порадовался Федор.

– Что за городом происходит? – поинтересовался он, зная, что дотошный Урбал постарается собрать всю информацию. Опыт ему не позволит расслабиться.

– А вот это самое интересное. Там сходятся две мощные дороги, – сообщил Урбал, – и стоит лагерем еще человек примерно тысячи полторы легионеров, перекрывая развилку. Лагерь выстроен по всем правилам. Мимо не пройти, но вокруг города и по улицам можно подобраться близко. Кроме них, там есть и конница, но мало, человек сто.

«Так, – прикинул Федор, – если их тут тысяча и там полторы, плюс конница. У меня здесь всего получается почти столько же людей. Они – в крепостях с орудиями, я – в поле, без осадной артиллерии. В открытом бою можем напороться на серьезные неприятности. К ним может подойти подкрепление из Теана. Ко мне вечером тоже подойдет еще пятьсот человек из моей хилиархии. Шансы небольшие, но есть. Отлично, будем атаковать».

Поколебавшись немного, (все же такая разведка боем могла стоить ему всего отряда), Федор принял решение. Внезапность – половина победы. Он жестом подозвал Териса, обретавшегося неподалеку, и приказал ему привести сюда командиров обеих хилиархий, а когда Карталон и Адгерон явились, приступил к постановке задачи.

– Немедленно атакуем, – заявил Федор, и, повернувшись к Урбалу, приказал: – Охрану на мосту снять. Ждать там до подхода основных сил, потом вернуться сюда. Остальное – не твое дело.

Финикиец кивнул и исчез. А Чайка пристально взглянул в глаза обоим командирам, облаченным в кирасы, и затянутым ремнями портупей. У каждого на одном боку висел меч, а на другом – кинжал. На ногах имелись поножи и грубые кожаные ботинки.

– Город пуст, – сообщил он не теряя времени, – Римляне заперлись в крепости и укрепленном лагере за городом, прикрывающим развилку дорог. Обе ваши хилиархии переходят реку и, двигаясь в обход города с разных сторон, атакуют укрепленный лагерь. Вы должны захватить его во чтобы то ни стало и заблокировать город. Там есть конница, но мало, около сотни всадников. Так что сил у вас хватит. Крепость в городе беру на себя. К вечеру все должно быть кончено. И главное, – перед атакой окружить лагерь. Ни одного гонца не должно проваться сквозь оцепление. Теан и легион Марцелла недалеко. А может быть и он сам.

Оба опытных командира переглянулись, обхватив ладонями рукояти мечей, дело предстояло серьезное. А уж лицо Адгерона просто излучало радость, – его наконец-то допустили до драки.

– Я смешаю этот лагерь с камнями и пеплом, – пообещал он.

– Мы сожжем его, – подтвердил Карталон.

– Нет, надо обойтись без пожара, – немного охладил их пыл Чайка, – дым слишком далеко видно. А это нам сейчас совершенно не нужно. Отправляйтесь к войскам и можете выступать, как только Урбал сообщит о том, что захватил мост.

Карталон и Адгерон ушли, слегка поклонившись перед этим в знак подчинения командующему, которого поддерживает Атарбал и которому благоволит сам Ганнибал. Оба были значительно старше Федора Чайки и гораздо опытнее, но на войне Федор смог продвинуться быстрее, сделав себе головокружительную карьеру от простого солдата до командира хилиархии всего за три года. А теперь вот командовал уже целым соединением. И его военный гений приходилось признавать всем, хотя и не всем это нравилось.

Урбал вернулся через пару часов и доложил, что мост захвачен.

– Никто из охранников не ушел? – уточнил Федор, поглядывая со своего наблюдательного пункта в сторону далекой реки.

– Обижаешь, – Урбал даже достал и продемонстрировал другу свою окровавленную фалькату, – все чисто. Римляне так разомлели на солнцепеке, что почти не оказали сопротивления. Да и было то их всего пятнадцать человек. Даже не успели запалить сигнальный костер рядом с мостом. Мы смогли подобраться по берегу достаточно близко, чтобы половину свалить кинжалами. Летис особенно постарался.

– Да, он может, – усмехнулся Федор, вспомнив особенную любовь крепыша из Утики к кинжалам. Благодаря этому увлечению они в свое время и познакомились. Федор, как бывший морпех российской армии, и сам неплохо владел этим оружием, но Летис метал их просто виртуозно. Федору было совершенно непонятно откуда у сына мирного владельца гончарной мастерской такая страсть к военному делу, но факт был налицо. Летис просто был создан для войны. Это был настоящий бог войны, которому в мирное время скучно было заниматься обыденными делами.

– Кстати, – добавил вдруг Урбал, – пока мы пробирались туда и обратно, в соседнем овраге нашли заколотых римлян. Убиты так, словно на них внезапно напали, может быть даже во сне. Человек тридцать.

– Молодец Угурта, – похвалил нумидийца Федор, – аккуратно сработано. Зря они собрались отдохнуть в двух шагах от города. Зато о нас до сих пор никто не знает.

Спустя еще час вернулся Терис, наблюдавший за передвижениями войск Карфагена у моста и сообщил:

– Хилярхии Карталона и Адгерона прошли мост и уже приближаются к городу.

– Ну, – решил Федор, подтягивая ножны фалькаты, – и нам пора. Терис, давай моего коня.

Глава шестая Дорога на Теан

Захват этого городка, прошел быстро и без проблем. Хотя Федору, уже видевшему Карфаген, Рим, Геную, Капую и другие здешние поселения, новый городок показался скорее большой деревней. Однако, он занимал стратегическое положение, имея со временем все шансы превратиться в крупный торговый центр. Но, как подумалось Чайке, въехавшему на коне в захваченный город, это будущее ему гарантировано уже в другой стране, поклоняющейся другим богам.

Между тем, до победы было еще далеко. Просто занять пустые дома – не большой подвиг. Следовало вырвать у змеи жало. Но едва они приблизились к центру городка, где располагалась небольшая цитадель, как с дальней окраины донесся невообразимый шум. Это хилярии Адгерона и Карталона с ходу пошли на приступ. Звон оружия и крики доносились даже сюда.

– Окружить крепость, расставить дозоры и осмотреться, – приказал Федор, – но не высываться.

Имея шестьсот с небольшим человек, штурмовать крепость, в которой засела тысяча легионеров с баллистами и стрелометами, было бы чистым безумием. Можно положить всех и не добиться результата. Тогда Атарбал ему сам голову оторвет. И все же Федор не собирался сидеть совсем без дела и рассматривал вариант быстрой атаки в надежде, что Баал-Хаммон надоумит его, как это сделать.

В ожидании знака богов, Чайка отправил своих разведчиков осмотреть крепость повнимательнее, а основной контингент, – шесть спейр, – выстроил друг за другом на главной и двух параллельных улицах между крепостью и дорогой, что вела к развилке за городом. Ведь легионеры могли попытаться прорваться на соединение со своими атакованными товарищами. Неизвестно еще, что за командир управляет гарнизоном крепости, – осторожный или вспыльчивый.

Ответ на этот вопрос он получил очень быстро. Не успел он облюбовать для своего походного штаба просторный дом какого-то торговца неподалеку от форума, как туда явились его разведчики, посланные Урбалом.

– Чайка, в крепости открыли ворота. Из нее выходят римские манипулы. Они направляются сюда, в сторону главной улицы.

– Лучников на крыши окрестных домов! – Приказал он, направляясь к строю солдат. – Двум спейрам, пятой и третьей, перекрыть соседние улицы. Остальным четверем растянуться в глубину по главной улице.

Адъютанты убежали выполнять приказание. А Чайка взобрался на коня и поднял свой круглый щит.

– Приготовиться к отражению атаки, – выкрикнул он так, что его услышали все командиры и солдаты. А когда африканцы закончили маневр, Федор подъехал и остановился во главе седьмой спейры, рядом с Урбалом. Эта спейра стояла третьей по счету от фронта, в глубине, прикрытая еще двумя спереди и одной с тыла. Карфагеняне запрудили всю главную улицу, преградив римлянам самый широкий путь из города. Но на сей раз, Федор решил выполнять свои обязанности командира соединения более четко. Еще неизвестно, как идет бой в лагере, – он должен быть все время на связи, – да и в том, что ему скоро выпадет возможность снова помахать фалькатой, он ни мгновения не сомневался. Дело повернулось круто.

Едва финикийцы приготовились, как раздалась тяжелая поступь подкованных башмаков о камни мостовой, и в конце улицы показали красные щиты римских легионеров. Раздалась короткая команда на латыни, – римляне остановились. Казалось, их центурион, здоровенный

детины, шагавший впереди, не ожидал увидеть себя отрезанным от лагеря. Два отряда разделяло сейчас не больше сотни метров.

Перед Федором вдруг вновь пронеслись воспоминания, когда он вот так же шагал с красным щитом и коротким мечом в этих шеренгах, наводя ужас на врагов Рима, до тех пор, пока судьба не вывела его совсем на другую дорогу.

– Мы не будем ждать, – вдруг крикнул он, – солдаты, в атаку! За Карфаген!

Командиры спейр вскинули вверх мечи, повторили приказ, и африканцы, сжав покрепче оружие, рванулись навстречу римским солдатам. Легионеры отреагировали мгновенно.

И в том и в другом войске в первых шеренгах шли копейшики. Пилумы римлян и саунионы¹² карфагенян взметнулись в воздух одновременно и обрушились ураганом на солдат противника. Возникла свалка. Пораженные в грудь и шею воины, выронив оружие, падали на камни мостовой, под ноги своим товарищам, а по их еще теплым телам уже топтались подкованные башмаки врагов.

Противники схватились в узком пространстве улицы, застроенной двухэтажными домами зажиточных горожан. Звон мечей и грохот сталкивающихся щитов заглушил все вокруг. В этот момент сверху на римлян полетели стрелы. Федор не зря приказал разместить лучников на крышах, и они делали свою работу хорошо. Римляне несли больше потерь, чем африканские пехотинцы, а лишённые баллист и «Скорпионов», оставшихся в крепости, ничего не смогли им противопоставить. Однако, разъяренные поражением в начале боя, легионеры поднажали и стали теснить первую спейру, скоро выдавив ее за перекресток улиц.

Часть римлян после этого, повинаясь приказу своего центуриона, бросилась на соседние улицы, пытаясь найти свободный проход и обойти финикийцев, стоявших у них на пути сплошной стеной. Но и там натолкнулась на заграждения из оцетинившихся клинками пехотинцев Карфагена. Звон мечей и крики огласили теперь и соседние улицы. Поле боя быстро расширялось.

Со своего места Федор уже не мог хорошо рассмотреть, как развивается битва, и, прыгнув с коня, вошел в ближайший дом. Поднявшись на крышу вместе с Терисом и двумя адъютантами, он увидел все как на ладони.

Разъяренные римляне теснили его солдат по всем трем улицам, а одна манипула легионеров прорвалась и зашла в тыл левому флангу. Римляне использовали свое численное преимущество. Судя по их количеству, крепость, видимо, покинул весь гарнизон.

– Что-то быстро они решились на это, – пробормотал Федор, глядя, как легионеры атакуют по всему фронту, прорываясь и растекаясь по нескольким улицам небольшими отрядами, – странно. За стенами было бы легче отсидеться до подхода своих подкреплений. Либо их командир большой трус, либо они нас давно поджидали.

По лестнице застучали торопливые шаги, и на крышу поднялся посыльный.

– Чайка, – доложил посланник Адгерона, – лагерь взят. Мы преследуем отступающего противника.

– Как, – удивился Федор, – уже взят? Быстро вы обернулись. Молодцы. Сколько же там было римлян?

Солдат зажал раненое плечо, доспех уже намок от крови, и лишь потом ответил.

– Не меньше, чем нас. Но едва наши хилиархии пошли на штурм, как римляне покинули лагерь и стали отходить по дороге в сторону гор.

¹² Воины армии Ганнибала использовали в бою короткое деревянное копьё для метания с металлическим наконечником, – пилум. Предположительно пилум, как и меч-гладий, был перенят римлянами и взят на вооружение после Второй Пунической Войны. Однако, нельзя утверждать с полной уверенностью точные сроки этого события. Поэтому в данном альтернативно-историческом повествовании римляне уже имеют пилум среди своего вооружения. Цельнометаллический саунион, – тяжёлый железный дротик с зазубренным острием, оружие, свойственное в этой войне только испанцам Ганнибала, – был серьёзным оружием в умелых руках. От него не спасали даже щиты.

У Федора опять промелькнули смутные подозрения, что он присутствует зрителем на постановке какого-то римского представления. В этот момент снизу раздались крики ярости, и очередная шеренга римлян врубилась в строй карфагенян, отеснив их почти к тому дому, на крыше которого находился их главнокомандующий. Следовало немедленно менять наблюдательный пункт.

– Кто преследует легионеров? – спросил он, бросив оценивающий взгляд вниз, а потом туда, где находился римский лагерь у развилки дорог, по одной из которых отступали, не теряя строя, солдаты врага.

– Наша хилярхия, – ответил солдат, – Карталон занял лагерь и ждет приказаний.

– Сообщи ему, чтобы немедленно выслал четыре спейры, а также нумидийцев мне навстречу, и заблокировал прорывающихся римлян. Мы должны уничтожить весь этот отряд. А потом возвращайся к своим. Передай Адгерону, чтобы прекратил преследование и тоже вернулся в лагерь.

На лице солдата отразилось удивление, но он все же кивнул и сбежал вниз по лестнице, устремившись по одной из улиц, где еще не было римлян. Федор тоже решил сменить дислокацию, но когда он оказался внизу и вскочил на коня, римляне были уже буквально в двадцати метрах. Над головой морпеха просвистел камень из пращи, – его явно заметили. Схватившись за узду, Чайка едва успел пригнуться, как новый камень ударил в стену позади. Прикрывшись щитом, Федор отразил третий камень и, наконец, заметил прашника. Тот стоял рядом с центурионом, почему-то оказавшимся между двумя наступающими римскими манипулами, и выцеливал командира карфагенян.

– Ах, ты сволочь, – пробормотал Федор, нащупывая кинжал, но метнуть не успел. Далековато было. Их разделяли несколько шеренг дерущихся воинов.

Тут брошенный в него другим римским солдатом пилум, вонзился в шею лошади. Боевой конь командира хилярхии покачнулся, упал на колени, а затем завалился на бок, испустив предсмертный хрип. К счастью, расторопный Федор уже стоял на ногах с фалькатой в руке. Рядом был Терис и два адъютанта, прикрывавшие его щитами, по которым тотчас забарабанили камни.

На центральной улице оставалась только одна спейра, что еще не принимала участия в бою. Половина солдат в ее составе были лучники. Позади спейры улица была пуста. Там пока не было видно ни финикийцев, ни римлян. Федор колебался недолго. Он принял командование на себя и, вскинув фалькату, заорал.

– Лучники, пустить стрелы!

Тотчас натянулись луки и несколько десятков стрел, пущенных через голову сражавшихся на мечах солдат Карфагена, накрыли передние шеренги римлян.

– Еще раз! – заорал Федор.

Новая волна стрел поразила дюжину легионеров. Давление в центре ненадолго ослабло, но римлян было втрое больше. Долго тут не продержаться, это было ясно. Федор подумал про отступление, но в этот момент заметил, что со стоны лагеря по улице приближаются спейры Карталона, а рядом, обгоняя их скачут нумидийцы, растекаясь лавой по окрестным улицам.

«Ну тогда еще повоюем», – переменял он решение, и, выбравшись на свободное пространство, закричал.

– За мной солдаты, рубить римлян в куски!

И новая атака обрушилась на шеренги легионеров, уже почти прорвавшихся на свободу. Федор схватился с одним из вражеских солдат. Отбив его удар щитом, он быстрым и точным выпадом сначала поразил того в бедро. А когда римлянин согнулся, то нанес завершающий удар в открытую шею. Обливаясь кровью, солдат рухнул на камни. Федор прыгнул вперед, бросив короткий взгляд по сторонам. Рядом рубились его бойцы, уничтожая остатки той манипулы, что уже праздновала победу минуту назад. Еще мгновение и они были раздавлены. А

Чайка оказался на свободном пространстве. До следующей манипулы римлян оставалось метров двадцать, а перед ней в боевой стойке со щитом и мечом стоял центурион.

Федор не раздумывая устремился к нему, и римлянин принял бой. Меч и фальката скрестились над головами, издав громкий звук, который тотчас потонул в воплях легионеров и карфагенян, тоже схватившихся насмерть, вокруг двух военачальников.

Центурион был не робкого десятка и свое дело знал. Он лихо уходил от ударов тяжелой фалькаты, и наносил свои, дважды сумев поразить Чайку в бок. К счастью, кираса у командира хилиархии была отменная. Лишь прогнулась от таких мощных ударов, но выдержала. А вот круглый щит вскоре разлетелся в щепки. Более тяжелый skutum¹³ центуриона еще держался, хотя и дал трещину.

Лишившись щита, морпех пошел в атаку, так как защищаться было теперь еще труднее. Центурион же, напротив, использовал выгоду положения и, спрятавшись за skutum, попытался «подловить» Федора на ошибке, чтобы наказать за нее смертью. Вначале Федор Чайка яростно набросился на вражеский skutum, пытаясь развалить его несколькими мощными ударами, чтобы биться на равных, но не преуспел в этом. Щит выдержал все атаки. Зато сам Федор пропустил мощный удар в грудь, на сей раз пробивший металл кирасы, но остановившийся в миллиметре от тела. Спас толстый кожаный нагрудник, что носил командир двадцатой хилиархии под ней.

На секунду Федору показалось, что он ощутил холод смертоносного металла в своем сердце. А центурион решил, что достиг цели и, выдернув меч, даже опустил острие, глядя в глаза Чайки с улыбкой палача, словно желал стать последним видением умирающего.

Но «мертвец» тут же ожил и наказал его, со всей силы рубанув фалькатой по шее. Голова центуриона после такого удара отделилась от тела и скатилась на камни. А вслед за ней рухнуло и обезглавленное туловище, под которым тут же растеклась лужа крови.

«Сильный, но не смертельный удар, убивает того, кто его нанес», как-то отстраненно подумал Федор, проведя ладонью по кирасе, пробитой под сердцем, и бросив взгляд на мертвое тело противника. Но мощный вопль атакующих шеренг Карфагена заставил его снова вскинуть фалькату. Подошли вызванные для подкрепления спейры Карталона. А чернокожих нумидийцев Федор разглядел уже в тылу смешавших свои ряды римлян. Еще один натиск, и с гарнизоном крепости было покончено.

– Почему его здесь нет? – орал Чайка полчаса спустя, стоя на одной из башен захваченного римского лагеря и вглядываясь в то, что творилось на склонах горы, – я же приказал Адгерону прекратить преследование!

– Он ответил, что не может упустить противника, который обратил тыл и велел мне передать, что принесет голову их предводителя, – ответил бледный посыльный, на котором Федор выместил свой гнев.

– О боги, чтобы принести одну римскую голову он решил пожертвовать всеми финикийскими, что отданы ему под команду! – продолжал ругаться Федор, не отрывая взгляда от перевала на который уже почти взобрались солдаты Адгерона.

Посыльный молчал, не зная что ответить командиру. А Федор вдруг поймал себя на мысли, что Адгерон может добиться своего. Этот безбашенный вояка уже загнал римлян почти на перевал и это несмотря на превосходство последних в силе и в лучшей позиции. Последнее обстоятельство немного смущало Чайку. Но не бросать же на произвол судьбы собственное соединение. И он решительно отогнал сомнения прочь.

¹³ Skutum – массивный прямоугольный щит с умбоном в центре и железной окантовкой по верхней нижней кромке. Размеры примерно 1,20 метра (высота) x 0,75 метра (ширина). Изготавливали из двух деревянных пластин, которые обтягивали телячьей кожей. Весил около 10 кг. В бою им не маневрировали, а прикрывались.

– Помоги нам Баал-Хаммон, – тихо процедил Федор сквозь зубы и, не веря в то, что делает это, приказал стоявшему рядом Карталону, – половине твоей хилиархии следует немедленно выступить и поддержать Адгерона. Остальные пусть остаются в лагере. Нам нужно захватить и удержать перевал. Я иду с вами. Терис...

Посыльный немедленно взобрался по лестнице, оказавшись рядом.

– Передай Урбалу, что он с остатками моей хилиархии остается в лагере и ждет здесь нашего возвращения и солдат, охраняющих мост через Вультурн, которые скоро должны подойти. Все, выполнять!

А еще через пару часов Федор был уже почти на вершине плоского хребта, где расходились в разные стороны две небольшие дороги, больше похожие на широкие горные тропы. Одна из них наверняка вела в городок Теан, приютившийся где-то там за отрогами на склонах горы Санта-Кроче, возвышавшейся сейчас над финикийцами своей громадой. А вторая вела на седловину, видневшуюся слева между ней и хребтом, уходившим к морю. Судя по всему, там прямо по курсу должна была находиться латинская колония Суесса-Аурунка. Именно туда и отходили легионеры, которых по-прежнему теснил неумный Адгерон.

Трупы римлян усеяли всю дорогу до перевала, но Федор был вынужден признать, что их было не слишком много. Римляне отступали быстро, но организованно. Их отход до сих пор не превратился в беспорядочное бегство. И сомнения Федора в правильности принятого решения крепили с каждой минутой.

Отличные мощные тракты – Аппиева и Латинская дороги остались далеко внизу. Солдаты Карфагена были вынуждены скучиться и поднимались теперь по тропе всего лишь по четверо в ряд, растянувшись на несколько километров. А когда они были уже почти под перевалом, оставив развилку далеко позади, сверху донесся яростный шум. Подняв голову, Федор увидел, что римляне контратаковали солдат семнадцатой хилиархии, быстро отбросив их с захваченного уже перевала. Адгерон ответил тем же. Бой разгорелся нешуточный. Судя по всему, легионеры устроили там засаду и теперь не только не уступали числом атакующим, но и превосходили их.

– Вперед! – в ярости крикнул Федор, оборачиваясь к ближайшим бойцам, – живее наверх! Пока еще не все потеряно.

Но тут его взгляд скользнул по склону вниз, привлеченный каким-то блеском. Присмотревшись, Федор заметил кожаные панцири и шлемы римских легионеров. Несколько манипул быстро приближалось к развилке со стороны Теана. Не прошло и десяти минут, как они перекрыли путь к отступлению, выстроившись плотным фронтом по всему склону, как только позволяла его крутизна. И с каждой минутой римлян там все прибывало. Федор с изумлением увидел, что они подтащили и установили чуть выше развилки несколько переносных «Скорпионов», направив их на карфагенян.

– Твою мать, – глядя на все эти приготовления, Федор опять перешел на русский от избытка чувств и сознания собственной глупости, что позволил заманить себя в засаду.

Между тем, он разглядел командира римлян, поджидавших его внизу. Это был невысокий, крепко сбитый мужик, явно в летах. Он прохаживался перед «Скорпионами», покрикивая на своих солдат. Чайке походка римлянина была отчего-то очень знакома. И если военачальник снял бы сейчас свой шлем с гребнем из красных перьев, то Федор дал бы руку на отсечение, что сквозь его короткие седые волосы уже пробивается небольшая лысина.

– Ну, вот и встретились, сенатор, – пробормотал Федор, крепче сжимая рукоять фалькаты и ощутив при этом даже какое-то удовлетворение, – скоро поговорим по душам.

Глава седьмая Амазонки в строю

Голова прошла быстро, «кочан» у Лехи был крепкий, а вот глаз болел целую неделю. Распухшие губы тоже ныли долго, – хороший удар в лицо пропустил бравый морпех от хозяйки Еректа, ничего не скажешь.

«Хорошо, что левый заплыл», – почему-то радовался Леха, нахлобучив поглубже высокую скифскую шапку вместо боевого шлема, словно смотрел на мир только правым глазом. Но и этим глазом Леха уже опасался лишней раз взглянуть в ту сторону, где параллельным со скифами курсом двигалась армия амазонок под командой царицы Оритии.

Почти десять тысяч баб, затянутых в доспехи и при полном вооружении смотрелись грозно. На их фоне свита Иллур из трех тысяч бородатых скифов просто терялась. Нет, изда-лека еще можно было принять их за обычных кочевников мужского пола, но когда амазонки приближались с развевающимися по ветру волосами, да еще солнце делало выпуклыми все скрытые прелести, Лехин подбитый глаз начинал дергаться в судорогах. И ведь не подойти – враз отрежут самое дорогое. Морпех в этом уже убедился. Однако, то и дело косил здоровым глазом в сторону царицы Оритии, ехавшей впереди своего войска.

Позади нее, поотстав на корпус лошади, передвигались ближайšie подруги-воительницы, и среди них та голубоглазая стерва, что научила Леху уважать слабый пол. Ехала себе как ни в чем не бывало. А кровный брат скифского царя, хоть и не был предан всенародному позору, но все равно мучился. Его мужская гордость была задета.

«Как же изменились бабы всего за пару тысяч лет, – кипятился морпех, сидя в седле и поглядывая на колыхавшиеся шеренги воительниц, в доспехах которых отражалось солнце, – этих попробуй, заставь за пивом стонять. Без зубов останешься. Сразу трезвенником станешь. И как только местные мужики их терпят, да еще собой руководить дают? Вот, блин, проблема. Нет, это хорошо, что меня к скифам занесло, а не к этим».

Чтобы как-то успокоить свое обиженное сердце, Леха даже попытался представить их страшными и кривыми уродинами. Но, словно назло ему, все амазонки были как на подбор: высокие, крепкие, красивые.

Нет, такого ум морпеха еще «недавно» тянувшего срочную службу в двадцатом веке с его культурными законами, не мог быстро принять. Тем более, такой прямой ум, как у Лехи Ларина, который больше привык дремать, разрешая управлять жизнью кулакам, желудку и еще кой чему. В двадцатом веке все было ясно и понятно: бабы-дуры. А если и находилась среди них та, что была с этим не согласна, то общественное мужское мнение было явно не на ее стороне. Теперь же привычный мир встал с ног на голову и Леха нуждался в том, чтобы ему кто-нибудь все это разъяснил. Разложил по полочкам. Вот был бы рядом начитанный сержант, он бы объяснил. Но Федор Чайка сгинул в дальних краях, уплыл за моря, а Иллур ему все что смог, уже объяснил: «Мол, не подходи, хуже будет». И Леха остался один на один со своими противоречиями.

Так они проехали положенное количество дней, прибыв к Ольвии. Иллур отправил вперед гонцов предупредить, что скоро прибудет. И не один. Едва оказавшись в знакомых землях, Леха отпросился у царя на несколько дней съездить в стойбище, проверить, как там идут дела. На самом деле хотел немного забыться в привычной обстановке, переварить последние новости. Как ни крути, а кровному брату царя в походе придется постоянно встречать кого-то из этой десятитысячной армии амазонок. Не Оритию, так Исилею, а не ее, так их вон еще сколько. Надо было подумать, как с этим жить. Поостыть, поутешиться. А лучше беременной наложницы это никто не мог пока сделать.

– Что случилось? – охнула Зарана, увидев любимого хозяина с подбитым глазом, и схватилась за живот от расстройства.

Глядя на нее, Леха уже жалел, что приехал. Только разволновал девушку, а она ведь в положении, да и срок уже подходит. Тем более ему было стыдно признаться себе, что за последнюю неделю он ни разу о Заране не вспомнил. Глубоко же зацепила его эта голубоглазая амазонка, хозяйка Еректа, чтоб ей пусто было.

– Да так, – отмахнулся Леха, заползая в юрту, – повстречал тут... одного. Крепкий воин оказался. Еле победил.

– Какой ты у меня сильный, – приласкала его Зарана, сразу поверив в историю, – сейчас я тебе рану смажу целебным отваром, и все пройдет.

Два дня он предавался любовным утехам с наложницей, которая была на седьмом небе от счастья, пил хмельной отвар, смазывал раны целебным, и расслабился, наконец. Физиономия зажила, мысли просветлели. Но пора было и возвращаться. Иллур велел к военному совету непременно быть. Обмолвился, что приготовил для него специальное задание, но в чем суть не сказал. И теперь, обряжаясь с помощью Зараны в походную амуницию, Леха терялся в догадках, куда же его пошлют.

– Сына мне роди, – на всякий случай повторил Леха свой уже не однократно произнесенный наказ, – с войны вернусь – придумаем как назвать.

Поцеловав Зарану, Леха ускакал в сторону Ольвии в сопровождении Инисмея и сотни скифских воинов. Остальные бойцы его личной армии дожидались в лагере у захваченной греческой крепости.

Военный совет объединенной армии скифов и сарматов проходил в огромной юрте Иллур на холме неподалеку от Ольвии. Увидев у входа знакомых коней амазонок, все пять были здесь, Леха тихо вздохнул, почесал свой едва заживший глаз и, откинув полог, шагнул внутрь. На полу, вокруг раскрытой карты, нарисованной на выделанном куске кожи, кроме самого царя скифов сидел Арчой, новоиспеченный адмирал Ичей, отличившийся при взятии Ольвии, и пять амазонок во главе с царицей Оритией. Все при оружии, но без шлемов. Мудрого Фарзоя Ларин опять не заметил, видимо, старик уже все обсудил с царем наедине.

– Здравствуй Аллэксей, – поприветствовал его Иллур, и добавил, указав на место рядом с собой, – Садись, говорить о войне будем.

Леха слегка поклонился и, скользнув по лицам амазонок, сел рядом с царем. Затянутые в панцири воительницы с удивлением воззрились на вошедшего воина.

– Это мой кровный брат и отличный воин, Аллэксей, – представил его Иллур амазонкам, а Леха не мог не заметить как, усмехнулась Исилея, – он прибыл к нам с севера, ведает конной разведкой и много знает о войне на море. Аллэксей будет присутствовать на совете.

– Так ты не скиф? – удивилась Орития, обращаясь прямо к Ларину, – Откуда ты родом?

Леха покосился на Иллур, не зная, что ответить. Снова обсуждать давно закрытый вопрос своего происхождения он не хотел. Но пришлось, поскольку «прибыл с севера», вдруг заинтересовало Оритию, так как означало, что Ларин, чтобы оказаться в Скифии должен был сначала миновать степную Сарматию. А это было довольно опасно для незнакомцев.

– Нет, – повел головой Леха, – русский я, русич, короче. Мой народ живет на далеком севере, откуда я прибыл на корабле.

Амазонки переглянулись.

– Русич? – удивилась Орития, – моя степная земля граничит с бескрайними лесами, там живет много племен, но я не знаю такого народа.

– Не мудрено, – осмелел Леха и решил пойти в наезд, приврав немного насчет родословной, – я не в степи родился. На моей земле много лесов и гор. Она граничит с холодным морем. Это так далеко, что даже ваши всадники туда никогда не заезжали, уверен.

– Говорят, там живут дикие и свирепые народы, – заявила вдруг хозяйка Еректа.

– Живут, – не стал отрицать Леха и добавил, ничуть не кривя душой, – Но, до вас им далеко.

Ответ, как ни странно, понравился амазонкам. Даже высокомерная Орития усмехнулась наглости этого бойца с далекого севера.

Леха в напряжении ждал новых расспросов, вспоминая разговор с Фарзоем на ту же тему, но амазонки, о чем-то обмолвившись вполголоса, неожиданно быстро сделали вывод насчет Лехиной национальности, причислив его к какому-то известному только им племени северных дикарей.

– Как ты попал сюда? – спросила напоследок одна из воительниц, такая же русоволосая, как и все, но с округлым лицом, – По реке?

– Это не важно, Тарнара, – оборвала ее Орития, – пора говорить о новой войне.

Морпеха такой поворот устраивал, но он все же ответил.

– Морем, – произнес Леха с достоинством, – я моряк и приплыл на большом военном корабле.

Но это заявление не произвело на амазонок должного впечатления: то ли кораблей они не видели в своих степях, то ли моряков не любили. В любом случае разговор быстро перетек на другую тему и Леха смог вздохнуть с облегчением.

– Наши армии готовы, – наконец произнес Иллур, начиная совет, – мы можем выступить хоть завтра.

– Я жду еще пять тысяч воинов, – заявила вдруг Орития, тряхнув гривой своих густых волос, – их мне обещал прислать Гатар. Поэтому с выступлением придется обождать несколько дней.

– Нет, – отрезал Иллур, немного напрягшись, – выступать мы будем немедленно. Но, ты сможешь подождать своих воинов и двинуться вслед за нами.

– Куда? – уточнила царица.

Иллур указал на карту, где на Лехин взгляд довольно коряво был изображен Крым, черноморское побережье в районе Ольвии и дальше на юг, вплоть до Греции, а также земли, примыкавшие к побережью до каких-то гор. «Кажется, там должны быть Карпаты» – подумал морпех, напрягая свою память. В некотором отдалении от Ольвии, на берегу залива, куда впадала большая река, Леха разглядел черную точку, – еще один греческий город, под которым было написано «Тира».

– Наш главный удар мы нанесем вот здесь, – объявил Иллур, ткнув пальцем в черную точку на карте, – первой целью нашего великого похода на запад станет греческая колония на берегу Тираса¹⁴. Но у нас достаточно сил, а потому мы должны ошеломить врагов. И удар будет не один.

Царь скифов замолчал, словно хотел потомить публику перед объявлением главного секрета. Амазонки молчали, спокойно ожидая пока царь скифов выговорится. Орития выглядела так, словно собиралась все сделать по-своему, хотя и должна была по условиям договора в этом походе во всем подчиняться Иллuru. Амазонки были здесь на положении наемников, которым заплачено золотом за службу. «Но, кто их знает, – подумал Леха, осторожно поглядывая на лица прекрасных воительниц, – что они там задумали со своим Гатаром. Политика – дело темное».

¹⁴ Очевидно, что скифы (сколоты) называли реку и город по-своему, однако в тексте мы оставим известное греческое название. Тирас – древнегреческое название реки Днестр, а также колонии в его устье. Город Тира, – Тирас (Τύρας), – был основан в 6 в. до н. э. на западном берегу лимана реки Тирас переселенцами из Милета. Этот греческий полис быстро достиг значительного благосостояния за счет торговли с населением Приднестровья и развитию многих промыслов, особенно рыболовства. Около 360 года до н. э. здесь началась чеканка собственной монеты. Тира также вела торговлю со многими другими греческими колониями Причерноморья: Ольвией, Томами, Истрией, Одессом и Гераклеей.

– Мы разделим армию на три части, – произнес наконец Иллур, оглядев собравшихся, – и ударим по трем направлениям сразу.

Орития и ее верные помощники не прерывали царя скифов. Ичей, Арчой и Леха Ларин также внимали, не задавая пока вопросов.

– Первая часть армии под моим командованием двинется на греческую Тиру вдоль побережья, – сказал Иллур и, обернувшись к Ичею, добавил, – мы обложим ее со всех сторон, а с моря нас поддержит флот. Но, об этом после.

Он сделал еще паузу и продолжил.

– Второй удар мы нанесем севернее, в среднем течении реки, – палец вождя скифов продвинулся вверх по карте, – настала пора встряхнуть народ бастарнов¹⁵. Этот удар нанесет Арчой со своей конницей.

Бородатый скиф нагнулся вперед, слегка поклонившись.

– А ты, Орития ему поможешь, – добавил Иллур, посмотрев в упор на амазонку, – дашь ему половину своих людей в помощь. Ведь бастарны граничат с твоими владениями, и я слышал, ты не очень то с ними ладишь.

– Это так, – кивнула Орития, посмотрев на одну из своих помощниц, – с Арчоем пойдет армия Исилеи, хозяйки Еректа. У нее почти четыре тысячи воительниц. Это ее земли граничат с бастарнами, и она очень не довольна своими соседями. – Я давно хотела с ними поквитаться, – заявила Исилея, положив ладонь на рукоять меча и прищурился глаза, – они заметно осмелели за последнее время. В прошлом году эти ублюдки даже напали на Ерект. Я прогнала их со своей земли, но они успели сжечь несколько деревень вместе с жителями, прежде чем убрались к себе за укрепления.

– У бастарнов много крепостей, – кивнул Иллур, нехотя соглашаясь с Исилеей, – и пусть они не такие мощные, как у греков, но зато соединены между собой цепью вдоль реки, что мешает нашему быстрому продвижению на запад. Их надо сжечь, а бастарнов подмять под себя или уничтожить. В наших новых владениях останутся жить только покорные бастарны, которые будут нашими рабами.

– Я сделаю это с удовольствием, – кивнула Исилея, снова с силой сжав рукоять.

А Леха, глядя на это, заранее пожалел неизвестных ему бастарнов. Уж эта девушка слов на ветер не бросает.

– И все же вам нужно будет много сил, – продолжал развивать идею Иллур, – у бастарнов неплохая конница. Поэтому вы отправитесь в поход с корпусом Арчоя. А двадцати пяти тысяч всадников хватит, чтобы сбить спесь даже с бастарнов.

Леха снова взглянул на карту и, проследив за пальцем Иллора, подумал, что укрепрайон этих бастарнов находился севернее побережья, в некогда современной морпеху Молдавии, по которой, похоже, сейчас проходила граница зоны влияния сарматов. Но граница эта, если верить хозяйке Еректа, была довольно условной. И те и другие соседи ее регулярно нарушали, беспокоя друг друга набегами.

– Третий удар, точнее разведывательный рейд, – снова заговорил Иллур, у которого, похоже, еще не закончились идеи, – нанесет наш самый малочисленный отряд, в котором будет не больше пяти тысяч всадников. Это будут те, кого ты ждешь, Орития.

– Что они должны сделать? – наклонила голову царица сарматов.

– Пройти вдоль Тираса до его самых истоков, следуя сначала за Арчоем и стараясь не ввязываться в бои с бастарнами. Обогнуть их укрепленные городища, затем обойти горы, про-

¹⁵ Бастарны, – впервые упоминающееся в греческих источниках в конце III в. до н.э., когда они появляются на Правобережной Украине, где основывают множество укрепленных поселений. Практически в то же время бастарны селятся на территории Молдовы. Здесь бастарны испытали на себе влияние со стороны соседних кельтских племен и гетов-фракийцев. Не установлено были ли бастарны германским племенем или кельтским. В последующих хрониках бастарны упоминаются, как союзники Филиппа V Македонского в его борьбе с римлянами и фракийскими племенами.

несть огненным смерчем по предгорьям и оттуда повернуть еще дальше на юг, сея везде панику и разрушения. Я хочу знать, насколько сильно сопротивление местных племен, на случай если мы решим ударить в обход горных хребтов. К этому времени будет ясно, как быстро мы продвинулись в направлении греческих полисов, и отряд получит новый приказ, – либо зайти в тыл бастарнам, либо вернуться к Тире.

– Хорошо, – кивнула Орития, – я сама возглавлю этот отряд. Но он будет больше. Я присоединю к нему еще шесть тысяч своих всадниц.

– Это будет уже целая армия, – покачал головой Иллур, нахмурившись, словно ему не нравилось решение Оритии, – ее легче заметить.

– Зато с ней легче сеять панику и разрушения, – отмахнулась Орития, повторив слова самого скифского царя, – ведь мы должны будем пройти по землям бастарнов, а затем кельтов. Ни те, ни другие нас особенно не ждут, и будут яростно сопротивляться. Небольшой отряд не сможет пробиться далеко. Поэтому мне понадобится как можно больше людей. И чем дальше я пройду, тем лучше. Ведь, чем сильнее наши удары потрясут границы Скифии и Сарматии, тем легче нам будет продвигаться дальше.

Иллур надолго замолчал, словно взвешивая слова Оритии, а в юрте повисла напряженная тишина.

– Хорошо, – сказал он, наконец, но по его лицу было видно, что это решение далось ему не просто, – отправляйся туда, как только прибудут твои люди.

Орития расправила плечи, улыбнувшись, словно одержала победу. А затем встала, положив руки на пояс.

– Думаю, мы узнали все, что следует, – произнесла царица сарматов, – и можем идти готовить свои войска к походу.

Леха с удивлением посмотрел на Оритию, а потом перевел взгляд на Иллур. Тот еле заметно скрипнул зубами, но простил ей такую наглость. По всему было видно, что присутствие амазонок, которые вели себя с ним на равных, давалось ему нелегко.

– Да, – кивнул он, – можешь идти. И не забудь присылать мне гонца каждый день.

Орития медленно вышла из юрты, придерживая свой меч. Вслед за ней покинули место совета и все ее длинноволосые подружки-воительницы. Леха не смог удержаться, чтобы не взглянуть на хозяйку Еректа. Но та гордо прошествовала мимо, не удостоив его даже ледяным взглядом. «Однако, – пронеслось в голове у морпеха, – если я правильно понял, она будет воевать вместе с моим корпусом. Даже не знаю, что и подумать теперь. Неужели это то самое задание, что хотел сообщить мне кровный брат».

Когда все гордые воительницы покинули юрту, Леха испытал заметное облегчение.

– Теперь о флоте, – Иллур обернулся к Ичей, продолжая совет, как ни в чем не бывало, – здесь, в Ольвии, останутся две квинкеремы и пять триер. Их хватит для защиты города. Хотя уверен, как только мы начнем осаду Тиры с моря, если и не все имеющиеся корабли, то триеры уж точно можно будет отправить к осадному флоту. Сколько у тебя готово кораблей?

– Не считая остающихся в Ольвии, пять квинкерем и шестнадцать триер, – отработовал Ичей. А еще целая флотилия бирем.

– Откуда столько взялось? – вставил слово морпех, у которого снова появился дар речи, – было же меньше.

– При штурме Ольвии суда греков не все сгорели, кое-что удалось захватить, – напомнил, ухмыльнувшись, Ичей, – вот теперь они нам послужат. Да еще Гиლისподис сдал недавно одну квинкерему, – отличный корабль получился. Я его сам испытывал на днях. А Калпакидис поставил на него новые баллисты.

– Да, помню, – подтвердил Леха, – я видел этот корабль перед отъездом к сарматам.

– Гиლისподис еще один обещает сдать скоро. Так что у нас мощный флот получается. Никакие греки не страшны.

– Только выучка моряков страдает, – из зависти покритиковал Леха, которого по старой памяти тянуло во флот. Однако, из-за прихоти кровного брата он был вынужден разрываться между конницей и кораблями, постоянно меняя их друг на друга, а иногда желая иметь двойника, чтобы успевать везде.

Разговаривая о кораблях, морпех вдруг вспомнил о том, что пленный греческий инженер Гиლისподис уже смирился с захватом родной Ольвии скифами и проживал теперь в ней же, но уже при новой власти. Иллур подарил ему кроме большого дома еще и часть пристани под мастерские. Гиლისподис теперь налаживал там ремонт старых и строительство новых кораблей, поскольку собственные верфи Ольвии при штурме сгорели. Леха как-то видел его пару раз и удивился: пленный инженер был весел и вполне доволен жизнью. От былой депрессии не осталось и следа. То ли он задумал усыпить бдительность скифов, чтобы сбежать в ближайшую греческую колонию, то ли, в самом деле, смирился с судьбой. Как ни крути, его родной город находился теперь под властью скифов, а новое командование относилось к нему хорошо и очень ценило.

«Да и бежать скоро будет некуда, – подумал тогда Леха, – если мы так быстро будем продвигаться по берегу моря, то все греческие колонии скоро станут нашими. Разве что в саму Грецию, да и то, как говорится, дайте срок».

Больше всего на свете инженер любил работать, а Иллур нагрузил его работой так, что Гиლისподису было просто некогда задумываться о жизни. Во всяком случае, он больше не производил впечатления несчастного человека. Скорее наоборот, ведь ему дали средства на строительство самого большого и мощного корабля – эннеры, который он обещал завершить к моменту начала осады очередной греческой колонии. И Гиლისподис с головой ушел в работу. Скоро над недавно выстроенным пирсом стал расти остов гигантского корабля, поражавшего воображение своими размерами и мощностью бортовой артиллерии.

Однако, вождь скифов как-то признался Лехе, что присматривает постоянно за греком, и морпех успокоился. Свобода свободой, а остаться без лучшего инженера-кораблестроителя в тот момент, когда кораблей требовалось все больше и больше, скифы просто не могли. Поймав себя на этой мысли, Ларин вдруг понял, что стал иногда размышлять не как простой морпех, а как настоящий политик. «Тьфу ты, – мысленно сплюнул он, – с кем поведешься. Не зря же я постоянно с Иллуром, да Фарзоем общался, а теперь вон еще и сарматского царя узрел с царями. . . Привычка, блин, вторая натура. Видел бы меня Федор, вот удивился бы».

– Спустя два дня после того, как я выступлю в поход, – продолжал Иллур наставляя своего адмирала, – твой флот должен выйти в море, приблизиться к Тире и полностью заблокировать бухту. Никого из нее не выпускать, кто бы там ни оказался. Попытки прорыва пресекать. Топить всех: и военные корабли, и купцов.

Ичей с пониманием кивнул.

– Оборона у греков сильная, но не сильнее Ольвии, – сообщил Иллур, – мне доносят, что там сейчас стоят четыре квинкеремы и всего шесть триер. А помощи грекам ждать неоткуда. Разве что томы помогут. Да только пока они доплывут, мы уже возьмем город. Так что смело можешь вступить в бой с флотом.

Иллур усмехнулся. По всему было видно, что масштаб задуманного наступления по всем фронтам его вдохновлял.

– Мы должны прибыть раньше тебя и обложить город со всех сторон, – добавил он, – но, если вдруг задержимся в пути, то сил у тебя будет достаточно. Захвати часть побережья и построй лагерь. Держи город в страхе. А когда мы подойдем, им останется только признать мою власть.

– Да, десант – это сила, – поддержал Леха, которому уже не терпелось принять участие в осаде, – Иллур, разреши, я тоже отправлюсь с Ичеем. Как-никак, опыт в таких делах есть.

– Нет, Аллэксей, – отрезал Иллур и обернулся к начальнику двадцатитысячного корпуса, к которому был приписан Леха, – Ты, Арчай, слышал наш разговор с Оритией. Завтра же выступишь в земли бастарнов, взяв с собой воительниц Исилеи. Она хорошо знает те земли и проведет тебя короткой дорогой. Преврати крепости бастарнов и дома их в пыль.

Низкорослый и широкий в плечах Арчай хлопнул себя по коленям так, что затряслась его борода.

– Я все исполню, повелитель. Бастарны будут приведены к покорности.

– Что же, – подвел итог царь Скифии, – тогда вы можете идти. Совет закончен.

– А как же я, – напомнил удивленный Леха, – ты вроде бы обещал мне какое-то задание?

– У тебя будет другой путь. Остайся, я расскажу.

Леха с радостью остался, предвкушая секретное задание, но, когда все скифы покинули походную юрту царя, Иллур сказал.

– Еще вчера я собирался тайно отправить тебя в далекие земли на корабле, чтобы передать важное послание, но сегодня передумал.

– Почему? – удивился Леха, хотя и догадывался.

– Время еще не пришло, – туманно пояснил Иллур, посмотрев на своего кровного брата, – Тебя могут перехватить по пути и казнить или заставить выдать тайну под пытками.

– Да ладно, – отмахнулся Леха, – где наша не пропадала.

– Нет, Аллэксей, – настоял на своем Иллур, – завтра ты отправишься вместе с Арчаем и будешь исполнять его приказы. Ты отличный разведчик. Сейчас ты нужен мне там.

И, предвосхищая вопрос морпеха, добавил:

– Только к Исилее не подходи.

Леха невольно кивнул.

– Да уж, – пробормотал он, – с этими бабами надо быть поосторожнее да пожестче. Не понимаю, почему ты этой Оритии все разрешил. Больно уж она себя свободно ведет, не поймешь, кто здесь главный.

Его стрела попала в цель. Иллур вскипел, но быстро взял себя в руки, поцедив сквозь зубы:

– Орития смела и мудра, она сразу поняла, что ее посылают на смерть. Потому и взяла с собой столько людей. Ее враги, бастарны, храбры, имеют много конницы, а те земли, что населены кельтами, пройти труднее всего. Орития может и не вернуться. Во всяком случае, там погибнет много сарматов, а не моих людей. Это мне тоже на руку.

– Вот оно что, – пробормотал Леха, – ну да, на войне все бывает.

– Зато, если она покорит эти земли, – закончил Иллур, снизойдя до объяснения недогадливому брату, – то они отойдут к сарматам. Так мы договорились с Гатаром.

– И ты отдашь им эти земли? – удивился морпех, но, заметив искорку в глазах царя, добавил, – впрочем, это не мое дело.

– Все побережье будет нашим, – нехотя добавил Иллур, – А когда вы разберетесь с крепостями бастарнов и вернетесь к Тире, где, скорее всего, будет стоять мое войско, я расскажу тебе о задании. Оно никуда не уйдет.

– Это хорошо, – решил Леха.

Выходя из юрты, морпех подумал о том, что был бы очень рад уплыть сейчас с флотом Ичея и быть подальше от Исилеи, ведь на предстоящей войне судьба все равно рано или поздно сведет их. И морпех боялся потерять контроль над собой, хотя и поклялся Иллору избегать частых встреч с хозяйкой Еректа. Ведь она должна была, по словам царя, прежде всего выполнить возложенную на нее задачу – помочь разбить бастарнов.

«Да пусть воюет, воительница хренова, – подумал Леха, потирая ушибленный глаз, который все еще напоминал о себе, – раз этой бабе дома не сидится, мне-то что».

Но в душе он уже знал, что вряд ли сдержит данное Иллору обещание.

Глава восьмая

Вверх по течению

Пришло утро, но ни сорокатысячная армия скифов, ни корпус Арчою не сдвинулись с места до тех пор, пока к Оритии не прибыл отряд сарматов. Иллур приказал ждать, – видимо, напряженность в отношениях с сарматами, оставалась. И он решил лично проконтролировать, сколько их еще прибудет в пределы его новых владений.

К удивлению Лехи прибывшие оказались мужиками. Пять тысяч мужчин, подчинявшихся знаменитой воительнице. Впрочем, последнее обстоятельство, уже не так шокировало морпеха. Постепенно он начал привыкать к местным нравам.

«Это что, – успокаивал себя Леха, поглядывая, как командир прибывших сарматов, здоровенный воин свирепого вида, что-то рапортует Оритии, – я ведь еще на востоке не бывал. Там, наверное, жизнь удивительная. Ну ничего, вот дойдем с Иллуром до Греции, а там посмотрим, куда дальше коней направить. Чует мое сердце, он ведь там не остановится».

Проведя еще ночь в пределах Ольвии, на рассвете следующего дня огромный лагерь забурлил, и все армии снялись со своих мест, направившись в разные стороны. Воинство Оритии, еще не расставшееся с амазонками Исилеи, двигались вместе за солдатами Арчою, среди которых находился и Леха со своими скифами-разведчиками. А ударный корпус Иллурова оставался возле Ольвии до тех пор, пока два первых отряда не покинули ее земли полностью. Стало ясно, что царь скифов решил оставить Ольвию последним. Обернувшись в сторону города на одном из холмов, Леха бросил взгляд на море и заметил, что флот все еще в бухте, как и хотел его кровный брат.

Покачиваясь в седле, Ларин припомнил, что на фоне масштабных приготовлений у захваченного греческого города, как-то незаметно прошла отправка еще одной ударной армии в Боспорское царство. Эти силы отправились вдоль степного берега, а в самом Крыму планировалась десантная операция с использованием кораблей захваченных у Херсонеса. Иллур начал войну на два фронта. Даже на три, не считая разведки боем. «Похоже, грекам мало не покажется ни там, ни здесь», – решил Леха.

Весь следующий день они двигались свободно, все это были еще земли Ольвии. Степи плавно переходили в холмы, поросшие редким лесом. К вечеру их догнал отряд всадников во главе с Исилеей. Вслед за предводительницей прискакало человек двадцать мужчин-сарматов.

– Завтра в полдень мы будем у границы, – сообщила Исилея, обратившись к Арчою и скользнув безразличным взглядом по лицу Ларина, – на восток будет моя земля, а на запад начнутся земли бастарнов. Их ближайшая крепость находится почти на самой границе.

– Хорошо, – кивнул Арчой, махнув рукой в сторону обширной поляны между трех холмов, тогда заночуем сегодня здесь, а завтра двинемся дальше.

Не сказав больше ни слова, Исилея развернулась и ускакала назад. Следом за ней поскакали всадники-мужчины в каких-то светлых доспехах. Рассматривая удалявшийся отряд, Ларин подумал, что их панцири были сделаны не из железа, а скорее, если верить глазам, из костных пластинок.

– Странные доспехи, – поделился Леха сомнениями с мудрым Арчою.

– Костобоки¹⁶, – подтвердил его наблюдения командир корпуса.

¹⁶ Скифский, а затем и сарматский всадник-катафрактарий, много сотен лет считался эталоном экипировки конного воина. Собственное тело и своих коней сарматы защищали чешуйчатыми панцирями, сделанными из распиленных на пластины лошадиных копыт. Позже пластины стали изготавливать из железа. Такая броня была практически непробиваема даже в ближнем бою, а мощное вооружение, – длинное копье и тяжелый меч, – превращало конного сармата в неуязвимого воина. Встречавшиеся с ними народы, часто называли таких всадников «костобокими» – костяными боками. Справедливости ради, можно отметить, что на имя «Костобоки», кроме сарматов, претендуют еще кельты и фракийцы, а официальная историческая наука

– Кто? – не понял Леха.

– У сарматов многие племена еще используют такой доспех из конских копыт, он не хуже железного, – пояснил Арчой, – но скифы давно перешли на железо. Кузнецов у нас достаточно.

– И что неужели этот доспех выдержит удар копья? – продолжал сомневаться Леха.

– Скоро сам увидишь, – ухмыльнулся Арчой, – завтра мы нападём на первую крепость.

На этом разговор про доспехи закончился, а Леха получил задание разведать подступы к ближней крепости бастарнов. Взяв с собой всего тридцать человек вместе с Гнуром, чтобы не сильно привлекать внимание местных жителей, которых здесь пока к счастью было немного, Леха преодолел невидимую границу и в сумерках углубился на территорию бастарнов. Избегающая деревень, скифы лесом довольно быстро вышли к самой крепости, стоявшей посреди рукотворного поля. Деревья вокруг на расстоянии примерно трехсот метров были вырублены.

– Ха, – усмехнулся Леха, рассматривая сооружение бастарнов в последних лучах вечернего солнца, – тоже мне крепость. Видали мы такие крепости.

То, что Исилия называла крепостью, представляло собой лишь большую и хорошо укрепленную деревню, обнесенную частоколом и сторожевыми башнями. Перед частоколом был вырыт ров, наполненный водой из ближайшего ручья, и насыпан вал. Вот и все укрепления. Никаких тебе каменных стен высотой в десять метров. Частокол конечно был мощным, но после укреплений Херсонеса и Ольвии, все это казалось морпеху игрушечным.

– Ну, эту деревню мы легко подожжем, – решил бравый разведчик и приказал отправляться назад.

Поселений в крепости тоже было немного, дворов сорок. Оттуда то и дело раздавался стук молота кузнеца, да поднимался дым. Картина казалась вполне мирной. Видимо бастарны еще ни сном ни духом не ведали о нависшей над ними угрозе.

Выслушав сообщение разведчиков, Арчой согласился с Лехой, что особых затруднений с этой крепостью не будет, и на рассвете приказал выступать. Отряд Исилии должен был атаковать ее самостоятельно, а скифы окружить крепость и весь прилегающий район, чтобы не дать никому уйти или прорваться подкреплению.

Больше половины армии решено было оставить в лагере. Здесь же остались и люди Оритии. Когда колонна всадников Арчой числом пять тысяч, среди которых были и разведчики Ларина, показалась у крепости, там уже вовсю шла драка. Амазонки скакали вокруг частокола, засыпая на ходу защитников зажигательными стрелами. Бастарны в кольчугах и кожаных рубахах, столпились на стенах, отвечая им тем же. Мост у ворот был поднят. На приступ пока никто не шел, хотя Леха заметил несколько трупов бастарнов на поле у самых ворот. Видно амазонки застали их врасплох, но жители все же успели спрятаться за частоколом, понеся небольшие потери.

За стеной уже начался пожар, горело несколько крыш на окраинах селения, и особенно сильно в центре. Но, присмотревшись, Леха решил, что это, скорее всего, сигнал о помощи. Слишком уж сильно дымила копна сена, сваленная посреди небольшой площади.

Справа от крепости виднелось длинное поле, которое, плавно загибаясь, уходило за лес. Что там находится, было неизвестно, и Арчой приказал Лехе проверить. Все равно сил здесь скопилось слишком много для нападения на одну небольшую крепость. Ларин взял всех своих людей и поскакал в указанном направлении. Но едва он миновал ручей, из которого брали воду защитники, как увидел показавшиеся из-за леса шеренги конных бастарнов. Затянутые в кольчуги всадники, черные плащи которых развевались на ветру, неслись навстречу скифам, поднося копьё. Они растянулись по всему полю ровным строем.

– Быстро прискакали, – удивился Леха, Вынимая свой меч, и осаживая коня, крикнул находившемуся рядом Инисмею, – разведка закончена. Идем назад.

считает племя костобоков существовавшим в реальности и относит его к дакийскому племенному союзу.

Леха был не робкого десятка и любил подраться, но его новый военный опыт, заработанный в этой жизни, быстро подсказал, что триста человек, пусть и очень храбрых, против примерно полутора тысяч мчавшихся на них воинов имеют очень слабые шансы. А вот пять тысяч против полутора – это уже другой расклад. Даже если не считать амазонок, занятых деревней. И он быстро вернулся к порядкам Арчоя, который уже заметил приближавшегося противника и, вскинув меч, сам бросил ему навстречу своих солдат.

Бородатые скифы, облаченные в железные панцири и шлемы, в лучах утреннего солнца показались Лехе гораздо ярче наступавших бастарнов, в одежде которых преобладал черный цвет. Лишь тускло поблескивало оружие, кольчуги, наконечники копий и умбоны щитов. Шлемы на них были почти плоские, без наверший, да и то не у всех. А кони защищены доспехами только у трех вождей, вырвавшихся вперед.

Арчой и Леха рядом с ним, оставались с половиной воинов у самого края леса, наблюдая за схваткой. И вот волны скифов и бастарнов, ошетилившиеся копьями, сшиблись у ручья. Раздался страшный треск, и десятки бойцов с обеих сторон мгновенно рухнули с коней, пронзенные насмерть. Удар бастарнов, разогнавшихся гораздо быстрее, был силен и они поначалу потеснили скифов Арчоя, но те вскоре выровняли фронт и даже отбросили правый фланг прорывавшихся к деревне солдат неприятеля. Отбросив копья, всадники схватились за мечи и закипела настоящая сеча. Звон оружия от скрещенных клинков и ударов о щиты и шлемы, стоял такой, что Ларин еле услышал, что говорит ему Арчой.

– Хорошо дерутся, – глядя на мясорубку в нескольких сотнях метров от себя, спокойно заметил командир корпуса, – но их слишком мало. Бастарны явно не рассчитывали увидеть здесь большое войско.

Федор с ним не спорил. Вожди бастарнов, яростно размахивая мечами, спустя полчаса битвы убедились в численном превосходстве противника и вскоре приказали своим солдатам отступать, но было поздно. Скифы прорвали правый фланг и замкнули окружение, отрезав им путь назад. Тогда, оставшиеся в живых бастарны, человек триста, в ярости удвоили натиск и прорвались к деревне. Трубач, скакавший рядом с единственным уцелевшим вождем бастарнов, на голове которого Леха заметил небольшую корону вместо шлема, затрубил в свой рог, и над полем разнесся низкий протяжный звук.

Опрокинув амазонок, окруживших частокол со всех сторон, они пробились ко вторым воротам, которые защитники сами открыли для них, опустив мост. Скифская конница в ярости набросилась на арьергард отступавших, уничтожив несколько десятков врагов, но почти две сотни конных бастарнов сумели укрыться в крепости. А лучники, стоявшие за частоколом у ворот, перебили многих скифов, в пылу атаки прискакавших слишком близко.

– Взять эту крепость! – пришел в ярость Арчой, увидев прорыв бастарнов и гибель многих скифов от рук вражеских лучников, – что ты так долго возишься!

Последние слова относились к Исилее, оказавшейся рядом со своими амазонками. Это ее воительниц на дальних подступах бастарны опрокинули в два счета, прорываясь в крепость. Крик скифского военачальника задел за живое хозяйку Еректа, а Леху несказанно порадовал. Он даже имел смелость снисходительно ухмыльнуться, когда воительница проезжала мимо, посмотрев на него, «Мол, бабы, они везде бабы». Но Исилея тотчас доказала, что не зря носит свой титул.

Она издала боевой клич, и несколько десятков облаченных в доспехи воительниц бросились на своих конях в ров с водой рядом с воротами и, словно кошки, перекинув меч на ремне за спину, вскарабкались на частокол. Правда половина была тут же убита лучниками еще на переправе, но нескольким удалось преодолеть частокол, за которым завязалась настоящая бойня. Разъяренные женщины косили головы бастарнов направо и налево с такой грацией, что Ларин даже залюбовался: «Умеют драться, девки».

Видно до сих пор Исилея берегла своих солдат в надежде взять крепость малыми потерями. Еще несколько амазонок последовало тому же примеру, но уже с меньшими потерями, проникнув в лагерь. Там они объединились и с двух сторон стали пробиваться к воротам, чтобы опустить мост. Но их было слишком мало. Вдруг Леха увидел, как в центре лагеря бастарнов тотчас возникло движение и конные воины, спасшиеся недавно от скифов, устремились по узким улочкам в направлении дальних ворот. Заметил это и Арчой, внимательно следивший за ходом битвы.

– Усилить натиск! – закричал он, – немедленно взять ворота!

Исилея, а что ей оставалось, отправила в бой сразу несколько сотен своих боевых подруг, бросивших коней в ров сразу с нескольких сторон от укрепленной деревни. Ее воинство несло большие потери, но Арчой был прав – если не взять ворота, то эта атака была вообще напрасной.

И вдруг со стороны леса раздался звук трубы и тотчас в тыл атакующих амазонок ударил еще один отряд конных бастарнов, появившийся, словно из ниоткуда. Всадники в кольчугах и с длинными мечами обрушились на конных амазонок, быстро смяв несколько ближних к лесу рядов. Бросив туда взгляд, Леха обратил внимание, что не все войско Исилеи участвовало в атаке на ворота, большая его часть находилась в резерве, выстроившись протяженным фронтом у леса.

Пробив строй и уничтожив половину атакующих амазонок, бастарны оказались совсем близко от того места, где находился Арчой. Их было уже немало на поле перед крепостью, как показалось Лехе, не меньше тысячи разъяренных всадников, и они продолжали прибывать из леса.

– Остановить атаку, – крикнул бородатый скиф, выхватывая длинный меч, – уничтожить бастарнов!

И скифы, обнажив оружие, развернули коней в сторону атакующих, поскакав за своим командиром. Леха на этот раз тоже не остался в стороне. Он снова повел в атаку своих воинов. Схлестнувшись в ближнем бою перед крепостью, все три силы, принимавшие в нем участие: скифы, бастарны и амазонки сарматов быстро смешались. Бой распался на поединки.

Бастарны опять проигрывали числом, но в упорстве им было не отказать. Они бились на два фронта, одновременно пытаясь прорубить себе дорогу в крепость и освободить окруженных там сородичей. Именно здесь они наступали наиболее яростно. Именно здесь и оказались три сотни Лехи Ларина, встав у них на пути.

Свалив копьями многих, скифы взяли за мечи. Перед Лехой возник рослый всадник в кольчуге и черном плаще. Размахивая мечом, он несколько раз ударил предводителя разведчиков по круглому щиту и дважды вскользь задел морпеха в бок. Но меч бастарна оба раза отскочил от железных доспехов, сделанных на совесть кузнецами Крыма. А невредимый Леха, лишившись после очередного удара щита, сделал ответный выпад, поразив всадника в ничем не защищенную голову. Тот упал под копыта своему коню, схватившись за рассеченный лоб, а на его месте тотчас возник новый всадник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.